

КОСТЕР

7 ИЮЛЬ 1974

РОДНАЯ РЕКА

Стоит наш дом
На берегу крутом.
Течет река,
Белеют облака.
В реке той рыбки плещутся.
Есть водоросли в ней.
Весь день сижу я в лодочке
И плаваю по ней.
Смотрю на дно глубоко;
Там все ведь неспроста.
Домой идти не хочется,
Такая красота!

Слава Филиппов
4 класс, г. Красноярск

КОСТЁР

7
июль
1974

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1956 года

© „Костёр“, 1974 г.

ТАЙНЫ ЗВЕЗД

Звезды мигают
Во мраке вселенной.
Звезды мигают
Везде и повсюду.
Клады несметные,
Тайны сокровищ...
Только их надо найти,
Отыскать!

Костя Маслов,
5 класс, г. Кузнецкий
Оренбургской обл.

ЛЕБЕДЬ

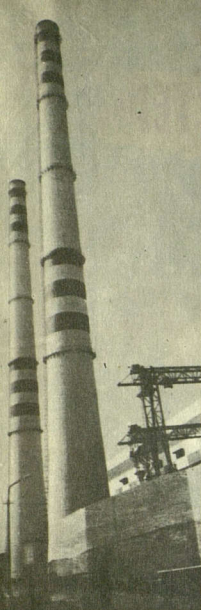
Плывет по воде лебедь белый и нежный,
Могучие крылья сложил на спине.
И, гордо согнув свою длинную шею,
Он видит свое отраженье в воде.

То выгнет он шею, то крылья расправит,
Взлетит и опять продолжает свой путь...
То клювом прищелкнет, то вдруг он пырнет,
И рад он тому, что на свете живет.

Толя Драганов,
5 класс, г. Хабаровск
Рисунки Т. Соловьевой

КИРИШИ СТРОИТ КОМСОМОЛ

„Какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни требовали... мы не уроним знамени Ленина“.

(Из клятвы делегатов
VI съезда комсомола)

В июле 1924 года, пятьдесят лет назад, Коммунистический Союз Молодежи принял самое дорогое имя — имя Ленина

Где это находится улица Романтиков?
А где нефтезавод — самый крупный в Европе?
А где идет Всесоюзная ударная комсомольская стройка?
Все это в Киришах, маленьком городке Ленинградской области. Киришам всего 9 лет.

Стоит городок на северной глинистой земле. Рядом течет знаменитый могучий Волхов. Что он может делать? Вращать турбины. Давать электричество.

А что скрыто в земле под ногами? Нефть!

В 1963 году решили здесь построить нефтеперерабатывающий завод и ГРЭС. Объявили их Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

В день, когда открылся XVII съезд комсомола, Киришскую комсомольскую организацию наградили орденом Трудового Красного Знамени. За то, что хорошо трудится, за то, что служит хорошим примером молодежи.

Эти снимки делались в апреле.

Рано утром собрался на планерку штаб студенческого строительного отряда „Молодость“ (фото справа). В Киришах новая огромной важности стройка — „Биохим“. Это завод, который будет готовить корм для скота — с витаминами, с белками, самый лучший.

Галля Королева (ее вы видите на снимке слева) сказала нам, что родилась в здешних местах, работала в Новгороде, а вот сейчас вернулась в Кириши и твердо решила: она, Галля, останется здесь навсегда.

С Киришского нефтезавода возли бензин, керосин, мазут во многие города Советского Союза и за границу — в Финляндию. Заступил на смену Герой Социалистического Труда Николай Иванович Потанин, начальник установки для переработки нефти.

Потанина Света, дочь Николая Ивановича, в это время занималась в школе. У доски отвечал ее одноклассник Витя Красавин, отличник.

Это было в апреле. Но и студенты, и смена Николая Ивановича Потанина, и многие другие киришане говорили: „Сегодня у нас двадцатое мая“ или: „Сегодня—восьмое июня“. А для некоторых тогда уже наступил нынешний месяц—июль!

И не было в этом никакой путаницы! Просто эти люди много трудились и ушли далеко вперед, выполняли задания будущих месяцев.

А в декабре, когда Волхов скроется подо льдом, когда землю заметут метели, в Кириши придет самое жаркое время. И опять в этом не будет никакой путаницы! Просто завод „Биохим“ начнет трудовую жизнь.

Г. Георге

Фото Дм. Варушина

Сыну Юрию посвящаю

ВОЛОДИНЫ БРАТЯ

Юрий Коринец

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Острова

Хорошо живет Володе!

Всегда он деятельный, веселый. Таким уж он родился, это у него от природы. Природа ведь никогда не унывает, посмотрите вокруг: зима ли, весна ли, осень — природа всегда деятельна, все у нее дышит, ворочается. Даже смерть в природе служит жизни. Умирают листья — удобряют землю для будущих растений, умирает лось или медведь — мясо его

идет в пищу другим. В природе и смерти-то нет, а есть одна деятельная жизнь. Не боится природа смерти! Так и Володя не боится смерти. Вы скажете, это потому, что Володя маленький — ведь ему всего одиннадцать лет. Не потому вовсе! Конечно, Володя маленький — и по годам своим, да и сам по себе: невысокий, шуплый. Но не в этом дело. Просто это некоторые трусы придумали разные там страхи про

смерть. Самое главное, это работать, действовать, не унывать — вот тогда и будет все хорошо. Как в природе. В природе ведь всегда все хорошо. И когда солнце. И когда дождь. И когда тепло. И когда мороз. Это Володя знает точно, хотя никто ему этого не объяснял.

Идет, например, Володя вечером по берегу Илыча — это река такая Володина — Илыч, — идет он по берегу с удочкой и видит темноту посредине реки, как будто вода там подкрашена тушью. И в том месте бурунчик маленький завивается. Это значит — камень внизу большой. И еще знает Володя, что под этим камнем, с левой стороны, ближе к поваленной ели, стоит на дне жирный хариус. Кинешь туда свою мушку и вытягиваешь — большущего! Ну, как тут не удивиться! Садится Володя на камень, смотрит на прыгающего в траве хариуса и думает: кто ему это все объяснил? Смотрит Володя на хариуса и смеется от радости...

А еще хорошо живется Володе потому, что богатый он человек, даром что ему одиннадцать лет. Воды у Володи — глазом не окинешь — разных ручьев, речушек, озер... И самая главная река Илыч. А в воде у Володи много разной рыбы: и хариуса, и семги, и кумжи, не говоря уже о щуке и окуне. И земли у Володи много — с чащами, болотами, холмами и горами. С цветами и ягодами. С разным зверьем диким. А еще у Володи два дома — с баней на берегу. Главный-то дом в низовьях, у впадения Илыча в Печору. В этом доме Володя зимой живет. А лето он проводит в другом доме — в маленькой охотничьей избушке в верховьях Илыча. В этой избушке у Володи тысяча разных прекрасных вещей: канканов охотничьих, корабиков рыболовных, блесен и мушек. Самая же раскрепасная вещь — это двустольный немецкий штуцер калибра 33 — ружье то есть. Вот это вещь! Старинная! Деду Мартемьяну от отца досталась, от Володиного прадеда. А Мартемьян этот штуцер Володе завещает, так уж обговорено. Но это еще не все. Еще есть у Володи — на медведя ходить — рогатина деревянная, да спиннинг бамбуковый, да сети, да лодки. Особенно одна хороша: длинная, смоленая, величавая, как черный гусь! С бензиновым мотором «Ветерок» на корме.

Вы спросите: что это за миллионер такой, которому всего одиннадцать лет? Откуда он у нас взялся? И тут я вам отвечу: вовсе Володя не в том смысле миллионер, как вы это подумали. Володя просто школьник, пионер... Но почему он тогда владелец всех этих ручейков, речушек, озер? Почему он владелец всего Илыча — от истоков до устья — и тайги вокруг? Что он там — один, что ли, живет? Нет, не один! А вместе с тем вроде как бы один! В верховьях Илыча, летом — Володя единственный мальчик... Но подождите — вот прочтете все до конца и все поймете про Володю...

В низовьях Илыча живут, конечно, еще мальчики. Ну, и девочки, конечно, тоже. На-

пример — Алептина. Алептина красивая. Волосы у нее белые и кожа белая. А веснушки на коже яркие, желто-розовые. Сама она молчаливая, серьезная, как и Володя. А иногда вдруг расхохочется, ни с того ни с сего. В такие минуты Володя ее особенно любит. Володя с Алептиной дружит. Зимой они всегда вместе — в школе. А летом редко.

Есть, конечно, и враг у Володи... Почему «конечный»? Да потому, что без врагов в этом мире, как видно, пока не обойтись. И печально здесь вовсе не то, что есть враг, а то, что враг этот — отец Алептины, Прокоп: известный во всем Запечорском крае пьяница и болтун. Темный человек, браконьер. Вот это и есть самое печальное. Но об этом потом, неохота сразу о врагах говорить.

А вот отца с матерью у Володи нет. Погибли они в тайге при весьма странных обстоятельствах. Но об этом я тоже потом скажу.

Зимой и летом живет Володя со своим дедом Мартемьяном. Еще есть у Володи брат Иван. Летчик. Он всегда находится при своих самолетах, в Троицко-Печорске. А Володя живет с дедом. То в деревне, то в тайге. Володя Мартемьяну заместо сына, а Мартемьян Володе заместо отца с матерью. Так и живут.

...Володя увидел, что сидит на лугу, в окружении целого сонмища муравьев — красных, огромных, ростом с него самого!

Широкий луг сбегал вниз так полого, что одинокие ели и лиственницы стояли на нем под косым углом к земле, и высокий, до облаков, муравейник на краю луга тоже стоял под косым углом к земле. Сейчас он был пуст — все его обитатели высыпали наружу.

Все муравьи были красивые, яркие, и вообще все было ярким: ярко-зеленые ели и лиственницы на темно-коричневых, почти черных стволах, ярко-синие горы в просветах леса, ярко-перламутровое небо с движущимися пятнами сине-серых облаков.

Главный Муравей пошевелил усами и поднял свою тяжелую, жесткую, как железо, лапу высоко над Володиной головой.

— Я хочу сказать несколько слов! Володя, которого вы видите перед собой, очень хороший человек! Он примерная личность! Ура Володе!

— Ура-а-а! — пронеслось над толпой, эхом отскакивая от облаков, как от потолка избы.

Главный снова поднял вилообразную лапу, и рев смолк:

— А сейчас Володя собрался в свое первое самостоятельное путешествие! Он идет в гости к деду Мартемьяну, в его избушку на Илыче! Он идет один! Через тайгу! И ничего не боится!

Последние слова потонули в восторженном реве. Главный медленно обвел муравьиные круги своими выпуклыми, мерцающими электронными глазами:

— Володя наш брат, и мы обязаны ему помочь! — сказал он. — Помогите ему всячес-

ки. А теперь — возвращайтесь к своим занятиям!

Концентрические круги муравьев медленно пришли в движение: сначала разорвался в одном месте внешний круг муравьев и стал размазываться, как мохнатый клубок каната; муравьиная колонна — по четыре в ряд — потянулась в сторону, словно кто-то тянул ее за конец, и весь круг соответственно завертелся, все быстрее и быстрее. Следом стал размазываться второй круг, потом третий — все они вливались в колонну, которая в отдалении медленно растекалась по лугу: одни муравьи двигались к муравейнику и исчезали в его серой громадине, другие пропадали в тайге за деревьями...

— Ну, пошли, — сказал Главный. — Я проведу тебя немного...

Он взял Володю за руку своей колючей жесткой лапой, и они медленно пошли под уклон к реке... И странно: этот муравей шел не как другие — он шел на двух задних лапах и был даже немного выше Володи. Черно-красный, блестящий, усеянный жесткими волосами, он был похож на робота! Весь он был скреплен из больших и малых частей, которые двигались, покачиваясь, как на шарнирах.

Володя вдруг увидел рядом с муравьем себя самого: невысокого, шуплого, курного, с выгоревшими на солнце волосами, с голубыми большими глазами, с черными длинными ресницами, с двумя коричневыми родинками на левой щеке, возле пухлых губ... Он увидел себя как будто в зеркале. На нем были защитного цвета штаны и куртка и белые, потемневшие от пыли кеды, через плечо холщовая сумка.

Володя и Муравей медленно шли по вытоптанному муравьями бурому лугу — где-то внизу уже слышалось бормотание реки. Набравшись храбрости, Володя спросил:

— А можно мне спросить про... одно слово?

— Пожалуйста, — улыбнулся вежливо Муравей. — Спрашивай!

— Вот ты сказал — примерная личность... а что это такое? — спросил Володя.

— А ты раньше эти слова никогда не слышал?

— Слышал, — кивнул Володя. — От учителя в школе... и по радио тоже... но все равно непонятно! Я забыл!

— Такие вещи нельзя забывать! — строго сказал Главный. — Хотя... хотя для тебя это не страшно!

— Почему?

— Для тебя не страшно — забыть: потому что ты и будешь таким всегда!

— А какой я есть?

— Хороший ты, вот какой! О других много думаешь, а о себе мало!

— А о ком я думаю?

— О дедушке думаешь... И помогаешь ему.

— О дедушке я думаю, — согласился Володя.

— И об Алевтине тоже думаешь!

— Об Алевтине я только немножко думаю, — покраснел Володя.

— Думаешь, думаешь, — обернулся Муравей к Володе. — И это очень хорошо!

Об это ее я плохо думаю! — виновато сказал Володя.

— О Пропке? — переспросил Муравей. — Да это так и должно быть! О плохих людях и нельзя хорошо думать! И при случае не давай спуску... Понял?

Володя кивнул.

— Хотя — скажу тебе по секрету! — ты еще не совсем примерная личность! — сказал вдруг Муравей.

— Не совсем примерная? — переспросил Володя. — Почему?

— Потому что ты — один! — не спрося, пошел в гости к дедушке...

Эти слова были неожиданностью для Володи. Он даже остановился. Уже видна была быстрая река в просветах между деревьями. Там торчали из бело-голубой воды разноцветные круглолобые камни, мокрые, в пене; вода билась о них, неустанно о чем-то говоря.

— Ты поступил самовольно и необдуманно! — жестко продолжал Муравей. — Примерные личности, пионеры, так не поступают!

— Но ты же сам только что хвалил меня! — растерянно пробормотал Володя.

— И хвалил, и ругаю! — скрипуче крикнул Муравей. — Не понимаешь?

— Нет, — прошептал Володя.

— В твоём поступке есть и хорошие стороны, и плохие! С какой стороны смотреть! То, что ты такой смелый и не побоялся выйти один в тайгу — это хорошо! За это я тебя очинно даже ценю! — Муравей так и сказал: «очинно» — в точности, как дед Мартемьян. — А то, что ты никому об этом не сказал, что ты самовольничал — это плохо! Ведь ты непременно заблудишься!

Последнее страшное слово Муравей произнес медленно, по слогам, тихим голосом. Сердце у Володи сразу упало в живот от этого слова, ноги в коленках ослабли.

— Не заблужусь я, — громко произнес Володя. — Я... я только что вышел... И деревня тут недалеко! И иду я правильно! — Володя все это говорил громко, а в сердце ему тихо закрадывалось сомнение...

— Деревня, конечно, ближе, чем избушка на пелесе! — сказал Муравей. — Но вряд ли теперь стоит вертаться.

— Как же мне быть?

— Ну, а как ты думаешь?

— Дойти надо! — убежденно сказал Володя. — До дедушки!

— Вот это правильно! — воскликнул Главный Муравей. — Какая же ты примерная личность, если сам не дойдешь? Смех! Мы тебе, конечно, поможем! Но ты должен сам искать дорогу! Найдешь — тогда я тебя люблю! А нет — пеняй сам на себя! Вот и все мое слово! Ясно?

— Ясно! — тихо сказал Володя.

— А теперь давай иди!

Володя встал. Он благодарно посмотрел на этого непонятого, и доброго, и жестокого Главного Муравья. Муравей тоже посмотрел на Володю: то есть на Володю смотрели сотни маленьких сиреневых мерцающих глаз, бесстрастных и холодных, с сотнями холодных отражений неба, тайги, деревьев...

— Дай-ка я тебя поцелую... на дорогу! — сказал Муравей и вдруг прикоснулся к Володиной щеке жесткими колючими челюстями...

И от этого поцелуя Володя проснулся!

Он проснулся и сразу схватился за щеку, ощутив под пальцами малюсенькую крошку жесткого муравья. Володя смахнул муравья наземь и увидел, как тот перевернулся со спины на живот, встал на лапки и быстро побежал вперед, пропав под травинками.

Река шумела в нескольких шагах от Володи, подмывая длинные корни березы, качавшиеся как удочки.

Вокруг было светло, и небо розовело. «То ли вечер... — подумал Володя, — нет, утро!» — и увидел, как в этот самый момент над острыми, черными, как сажа, кончиками елей на том берегу реки показалась ослепительно-расплавленная точка, и в разные стороны от нее брызнули длинные оранжевые спицы лучей; внизу — под черным лесом на той стороне реки горела бледная медь воды. Расплавленная точка над лесом становилась все больше, наливалась тяжелой каплей, ослепляя вокруг себя небо, лес, берег, пока не выкатился роллившись шар, как золотое яичко, снесенное невидимой курицей! Сплюснутое сверху и снизу, золотое яичко мгновенно сидело на обугленной кромке леса, сжигая его нестерпимым светом, и вдруг виден стал радужный хвост волшебной курицы: разноцветный хвост, опущенный книзу — на деревья, берег и речку...

Володя смотрел на это чудо, пока солнце не оторвалось от кромки леса и не поплыло над миром. Тогда только Володя опустил ресницы и вздохнул... Начинался второй день его странствований.

Он вытер лицо — на пальцах осталась осенняя паутина. И сажал от костра.

Рядом с Володей, на черной обгоревшей земле, лежала сухая толстая сосна, которую он подтащил сюда вечером для костра. Середина сосны обуглилась, покрылась ровными полукругло-квадратными трещинами, белесая пленка золы обметала эти трещины и выпуклые квадраты между ними. По черно-белесому углю, совсем остывшему, смело бегали крохотные красные муравьи.

Володя смотрел на них с удивлением. Муравьи опять были маленькими, а он большой! И мир вокруг Володи — земля, тайга, небо — стал опять просторным, бесконечным! И ночной страх Володи сразу прошел. И бодрость почувствовал Володя, и легкий голод.

Ночью Володя хорошо выспался. Теплая была ночь. Да и костер он вчера хороший развел: полночи горел костер. Володя его два раза в сторону отодвигал, отгребал горячие угли и опять укладывался на нагретой черной земле. Как дома на печке. Вот и приснились ему муравьи...

Вскочив, Володя хлопнул по обгоревшей сосне ладонью — легкая дымка золы, относимая ветром, поднялась над деревом, и муравьи заметались во все стороны, засуетились, убегая прочь.

— Тó-то! — важно сказал Володя.

«Сейчас я искупаюсь, а потом разведу костер и буду хариуса ловить! — подумал он. — Нет, сначала костер разведу». Он посмотрел на остывший костер, потом на реку и, прищурившись, на солнце... Красиво было вокруг! Все сверкало: и серебряная, седая зола, и зеленая трава, и голубая вода, и камни, и небо! «Нет, сначала все-таки искупаюсь!» — он весело сбежал по мягкой траве и ромашкам, а потом по прибрежным голым валунам к воде, разделся на полукруглом, ухидившем в землю огромном гладком камне: снял куртку, рубашку, кеды, брюки и даже трусы.

Камень хотя и освещен был солнцем, но еще не успел сверху нагреться, и Володя подстелил одежду; в воздухе же, с растворенными в нем солнечными лучами, было тепло. Комары уже вились над Володей, но их было мало, Володя от них даже не отмахивался. Иногда он просто вздрагивал кожей, и напившийся крови, отяжелевший комар отлетал куда-то в тень, под травинку. Володя сидел почти не дыша, расслабившись, попеременно ощущая кожей теплое дыхание солнца и прохладные воздушные дуновения.

Немного выше, где кончался галечный пляж и где невысокий берег, покрытый мягкой травой, обрывался в воду ровной линией, торчала над водой — почти горизонтально — береза, она полоскала в быстром течении обнаженные корни и ветви, а зеленая густая вершина погружалась в воду и шумела там, то всплывая на поверхность, то уходя в глубину; перепутанные волосатые корни все время шевелились, теребимые течением, и ветви с отяжелевшими от воды листьями тоже шевелились — вся береза дрожала бесконечной дрожью, забрызганная водой с головы до ног.

Володя смотрел на березу — по ее ярко-белой мокрой коре воинственно бегала взад-вперед маленькая птичка: выюрок-драчун. Эта птичка — черная с голубоватым отливом, с желтым брюхом и белым, задорно поднятым хвостиком — всегда жаждала с кем-нибудь подраться, даром что сама крохотная — от земли на вершок!

Задорная и веселая была птичка, и веселая река, и солнце, и Володя веселый — только береза грустная...

В это время ветер в последний раз сильно вздохнул — как всегда перед полуденным сном, — зарыбила гладкая поверхность реки,

река на мгновение нахмурилась, и от белого буруна долетели до Володи легкие, как туман, брызги — они странно пахли! Володя готов был поспорить, что брызги пахли горелым!

Но опять заснул ветер, уже надолго, до вечера, а может быть, даже до утра, река опять стала гладкой и веселой, и брызги над белым бурунчиком опять остановились в воздухе прозрачным облачком, в котором бледно угадывалась маленькая зеленовато-красно-желтая радуга. «Чудеса! — подумал Володя про пахнущие гарью брызги. — Неужели я уловил запах радуги?»

Он сидел на камне неподвижно, как изваяние, и уже чувствовал, как сквозь одежду входит в него вечный каменный холод — из глубины этого огромного вала. «Если долго так сидеть, можно в камень превратиться, окаменеть на веки вечные!» — подумал Володя.

Он вдруг взмахнул руками, спрыгнул с вала, как будто действительно боялся окаменеть, и побежал, прыгая по гальке, по мягкому ковру травы — к березе.

Выорок-драчун, завидя Володю, ускакал на дальний конец дерева и сердито поглядел оттуда, покачивая хвостиком, чтобы не потерять равновесие, но, увидев, что и Володя вскочил на березу, перелетел на берег и стал носиться в траве, возмущенно посвистывая...

«До избушки я дойду, не заблужусь! — вспомнил Володя ночных муравьев. — Все время вверх по реке до Проколова хутора, перейду речку Сар-Ю, благо она сейчас мелкая в такую жару, а от Проколова хутора, где река делает большой крюк, влево сверну, на дедову тропинку, и по ней — через хребет Иджид-Парма — мимо болота напрямик выйду к горе Эльб-Из: супротив горы на другом берегу Ильича и стоит избушка! И дедушка там! Проще простого!» Вся эта дорога, которую он хорошо знал — ходил по ней с дедушкой и с братом Иваном над этими местами на вертолете летал, — вся дорога впереди стояла перед его глазами, как будто он смотрел на карту.

Мысли быстро пронеслись в Володиной голове, пока он стоял на качающейся березе — под его тяжестю она сильно ушла вниз, река теперь близко и весело редела — она раскачивала березу и приветственно осыпала Володю брызгами... «Видела бы меня сейчас Алевтина! — с гордостью подумал Володя, балансируя на колыхающейся в волнах березе, как на стоящий циркач. — Видела бы она, как ловко я тут стою и не падаю!» Но Алевтина была далеко, и дед Мартемьян, и брат Иван, и отец Алевтины — Прокоп, все, не говоря уже о деревенских мальчишках, — все были далеко и не могли подивиться Володиной ловкости. — «Ну, ничего! Удивятся еще, дай срок!»

Он опустился на корточки, схватился за крепкие красные ветви, еще покрытые листвой, и прыгнул в реку, не выпуская ветви из рук...

Река бурно обняла Володю, обжигая холодом, пытаясь оторвать от березы... «Шалишь!» — крикнул Володя сквозь брызги, бив-

шие в рот; он сразу весь покрылся гусиной кожей, покраснел, как ошпаренный: от ледяных объятий захватывало дыхание... Володя выпустил ветви и загребал к середине, где торчал большой камень, увенчанный в облаке брызг разноцветной радугой, — Володя с размаху вскочил на него — как кошка — и встал: посреди пенных брызг в радужном нимбе...

Отдышавшись, он опять прыгнул в воду, поплыл и пристал к берегу далеко вниз, где лес подходил к реке вплотную, и оттуда — гордый, усталый — медленно пошел назад, дрожа, согреваясь и обсыхая.

«Ах ты Ильич! Мой дорогой! Дорогой ты Ильич мой!» — заплел Володя. Он чувствовал во всем теле прохладную легкость: казалось, он вот-вот оторвется от земли и полетит в небеса...

А голод его стал волчьим.

Одевшись, он взял удочку, сбежал по пляжу к воде и забросил маленькую черную самодельную мушку с крючком в темное заливное реки — метрах в трех от берега — над невидимым на дне камнем. Харюс схватил сразу. Не успела мушка коснуться поверхности — вода взбурлила, как от маленького подводного взрыва — леска натянулась, согнув удильщик, — и Володя потащил рыбу на берег... Через несколько минут он поймал второго харюса, потом третьего. Харюсы были большие, туполобые, с вытянутым, как сигара, телом, зеленовато-синие устремленные вперед водяные ракеты!

Володя бросил их в траву, и они заплясали. Он наломал хвороста, подложил его под обгоревшую сосну, накидал сверху сухих палочек потопле, чиркнул спичкой — огонь затрещал и пополз вверх — и у огня сразу стало жарко. Володя собрал разлетающихся по траве харюсов в одно место. Они уже засыпали, тускнея на солнце. Он не стал их чистить — лучше запечь целиком в золе. Но ждать горячей золы было долго, и тогда он решил запечь двух, а одного съесть сырым, с солью и хлебом.

Володя подбросил в костер еще сучьев и хвороста, отчего пламя, стреляя искрами, взметнулось к солнцу. Он выбрал харюса поменьше, отошел с ним к воде и устроился боком на камне. Вытащив из ножен подаренный дедушкой Мартемьяном нож с костяной ручкой, Володя взрезал харюса со спины, как это делал дедушка. Он раскроил рыбу от головы до хвоста, распластал ее на камне, отрезал голову и выкинул ее вместе с внутренностями далеко на берег. Потом тщательно промыл белое жирное мясо и вернулся к костру, который теперь пылал ровно и сильно, потому что занялась горевшая ночью сосна. Стало жарко, потому что и солнце разгорелось. Комары уже висели над Володей, появились черные мухи и черные с желтым — оводы, гудящие в воздухе, как маленькие вертолеты.

Золы теперь было достаточно, можно было зарывать в нее рыбу. Но Володя решил снача-

ла засолить свежеморскую тушку. Он достал из холщовой сумки, подвешенной на ближней лиственнице, завязанную в тряпчовую соль. Тряпочка потемнела и стала влажной, это соль впитала в себя ночную росу. Она уже не сыпалась, а приставала к пальцам комками. Потом он сложил тушку пополам, чешуей наружу, сунил в маленький полиэтиленовый мешочек и выложил на солдечек, придавив камешком, чтоб не заветлила мухи, а тряпочку с солью опять завязал в узелок и опустил в сумку на дерево.

Пока Володя проделывал всю эту операцию с тушкой хариуса, во рту у него сбегалась слюна, но Володя терпеливо сглатывал слюну — как настоящий рыбак и мужчина. Он решил дать хариусу хоть немного просохнуть на солнце, «схватиться соком», а пока отодвинул горящую сосну, развалил костер, и стал отгребать в сторону горящие и дымящие уголки и головешки, вместе с золой — до белесой и потрескавшейся и дымящейся паром земли.

Завернул двух оставшихся хариусов в папоротники, Володя бережно положил их на земляной испод, присыпав горячий золой и углем; угли шипели и стреляли дымом и, собранные вместе, вдруг опять занялись синеватым пламенем. Жар был сильный, и Володя сразу покрылся мелкими капельками пота и хлопьями летавшей в воздухе золе.

Дед Мартынюк обычно держал рыбу — хариуса или семгу — в полиэтиленовом мешочке около часа, если на солнце, а если в тени — и того дольше, но Володе стало нестерпимо. Он достал из сумки кусок хлеба, взял мешочек с

соленой тушкой и уселся на валуне, на котором развешался: поближе к воде, где немного меньше было комаров.

Он крикнул, как дедушка, сел, скрестил ноги, и развернул мешочек с хариусом: в мешочке уже переливался вдоль прозрачных складок янтарный хариусовый сок, выгнанный солью. Проткнул мешочек. Володя приставил его края к губам и выпил жгуче-соленую жиличку, опять крикнув. Это было смешно — то, что он крикал, как дедушка, — и Володя рассмеялся. Он откусил кусок хлеба, потом развернул тушку и бережно положил ее на камень, чешуей вниз, потом вынул нож, вытер его о штани и осторожно срезал мясо со шкурки. Мясо соизлас жиром и соком, оно уже еле заметно пожелтело, значит, схватилось солью, а под самой шкуркой — если срезать аккуратно — находился тонкий коринчевато-розовый слой. Володя стал есть, внимательно оглаживая каждый кусок, перед тем как отправить его в рот, и слюва с него комаров.

Когда была съедена почти половина рыбы, Володя сбегал к реке и напился.

Оставшуюся часть хариуса он завернул в его собственную шкурку, опустил в прозрачный мешочек, перевязав шпагатиком, и вернулся к костру.

Горка пепла над зарытыми хариусами уже совсем побелела, и сосна, перегорев, переломилась надвое и потухла. По Володиным соображениям печеный хариус был готов. Он осторожно разгреб теплую золу палочкой. Внутри, в синеватой золе, попадались красные искры огня и черные угольки. Трава вокруг рыб за-

пеклась и обуглилась, превратившись в кору, только кое-где эти кора треснула, и в трещинках пузырился горячий сок... В лицо Володе пахнуло жареной рыбой.

Он вытаскил обугленные тушки на траву и сел рядом. Подождет, пока рыба немного остынет. Он не любил есть слишком горячее — тогда терялся всякий вкус. Отрезав кусочек хлеба — совсем маленький, потому что хлеб надо было экономить, Володя стал поддевать ножом кусочки коринчевато-желтого мяса, переправляя их в рот. Солить эту рыбу он не стал — в такой, целиком запеченной рыбе всегда чувствовался странноватый привкус соли.

Володя постепенно тяжелея, ему захотелось выпить чаю, полежать в траве на спине, раскинув руки и глядя в небо — но нет! — надо было идти дальше. Он шел уже второй день, а дорога впереди была еще уж как далека!

Да и времени на завтрак уж немало. Солнце поднялось почти над Володиной головой. Дни ведь стали короче, не то что в начале лета. Надо было идти.

Володя встал, разогнул застывшие ноги и первым делом, не сходя с места, потушил в золе остатки тлеющих угольков.

Потушив костер, Володя смотал удочку, спрятал в холщовую сумку хариусов и хлеб, перекинул сумку через плечо и пошел вверх по реке, по ясной тропинке, петляющей на открытом берегу между полузасохших травой могучих валунов.

Вдоль Ильча — от самых его истоков до

устья — вьется тропинка, и не одна, а две: по обеим сторонам. Тропинки эти, как двойники — и похожие, и немножко разные, — то бегут вдоль самой воды, то отходят в сторону, иногда далеко, если встретится обрывающаяся в воду скала или болото. Обогнув неприятные, тропинка непременно вернется к реке; так что заблудиться на такой тропе просто невозможно. Да и на реке заблудиться невозможно: река всегда впадает в другую реку, а та еще в другую или в озеро, или в море-океан — и где-нибудь там по дороге, возле воды непременно люди живут.

Володя шел по тропе вверх по течению. Река весело бежала ему навстречу, и солнце тоже шло ему навстречу, поднимаясь все выше и выше, а в то же время двигалась и вместе с Володей, скользя по небу мимо деревьев. Володя часто над этим думал — как интересно ходят по небу солнце, луна и звезды. И сейчас он тоже об этом подумал. Володины мысли тоже не стояли на месте, а шли вместе с ним. Иногда они шли рядом, прыгая по тропе, по камням и деревьям, по реке и брызгам пены, а иногда Володины мысли — как солнце, луна и звезды — шли рядом и вместе с тем очком далеко. Сейчас мысли его незаметно ускользали к дедушке Мартынюку, но не в избушку, где тот сейчас сидел, попивал чай, а назад, в минувшую зиму, к дедушке на охоте, к самому себе — далекому, каким был Володя на охоте минувшей зимой. Для мыслей ведь нет границ ни в пространстве, ни во времени!

Впереди в речном просвете показались Уральские горы и сверкнул на вершинах будто снег... и сразу Володины мысли ушли за этим снегом. Володя увидел себя с дедушкой в заснеженной тайге. Он увидел себя со стороны, как будто там в снегу между голых деревьев был не он, а кто-то другой, и вместе с тем там был он! Володя узнал себя на лыжах, смешного, в высоких валенках, шапке-ушанке и длинным полушубке с натянутым поверх белым халатом. И дедушка Мартынюк в белом халате поверх полушубка, и брат Иван. Снег глубокий, только на лыжах и можно пройти. У дедушки и брата за плечами ружья, а Володя просто так идет, взял его дедушка с собой, потому что Володя очень просился.

Идут они не спеша, вразвалочку — дед и Иван, а Володя за ними поспевает. Низкое красное солнце сопровождает их в черно-белом лесу, разбрасывая между стволов свои тени, и тепла от солнца нет — мороз! Пошипывает он Володины нос и щеки, только телу тепло — от халата. Дед жарко. Володя видит впереди себя на лыжне широкую Иванову спину, брат равномерно взмахивает палками. Тяжело Володе поспевать, но он старается.

Тихо в тайге, только снег скрипит. Снег лежит на земле пыльным ковром, сугробами, а на голых ветках, на словых лапах и высоких пнях — белыми шапками. Заденешь ветку — сыплется в глаза драгоценное серебро. Весь

мир вокруг серебрино-синий, чуть подкрашенный розоватым ленивым солнцем.

...Володя идет по летнему берегу Илыча, по тропинке между валунов, смотрит на реку, на далекие горы, на зеленую пышную тайгу, а видит снег, голую чащу, мороз, и впереди — спины брата и дедушки...

Река рядом бежит, бормочет — то тише, на плесах, то громче, на перекатах возле камней: «Спеши, спеш, Володя! А то уйдет дедушка на охоту — разминетесь вы! Спеш!» И Володя идет все быстрее, надает шагу.

Все жарче становится Володе от ханды да и от солнца — удивительное все же лето в этом году на Севере! — пот начинает струиться по лицу, по спине. А оводы и рады — налетают с размаху, стремясь сразу прокусить кожу до крови. И ведь удаётся им это, несмотря на то что Володя быстро отмахивается...

«Ваша песенка спела! — думает Володя. — И комарам тоже конец... И мошкаре... Скажите спасибо, что погода такая в этом году жаркая, а то бы вы давно уже ножки протянули!» — думает Володя.

Он вышел на пригорок; разлившаяся впереди река бежала навстречу в глубоком русле, течение стало гладким и быстрым.

«Хорошо в жару по реке плыть, — подумал Володя, — на лодке. Вот когда никакие комары и оводы не кусают! Над водой всегда ветерок тянет, да и лодка на моторе быстро идет — вскую нечисть ветром относит... В жару и на вертолете хорошо, хотя в вертолете бывает и оводов, и комаров, и мух — тьма тьмущая! Но они в вертолете тоже не кусаются — жмутся к стеклу, дрожат от ужаса! А ведь залетают в вертолет на стоянке сами! Видно, уж очень хочется им на машине полетать!»

И сразу вспомнил, как летели они с братом Иваном на «МИ-4» к геологам. Везли в партию лошадь. И огурцы. Свежие огурцы — редкость на Севере, потому что они здесь не растут. Если б, конечно, всегда было такое лето, как сейчас, то, может, и росли бы... но, в общем-то, возят их самолетами. И яблоки возят, и апельсины. Дед Мартеньян говорил, что в его детстве никаких огурцов и апельсинов на Печоре сроду не выдали. Яблоки, правда, попадались — раз в год штучки две съесть.

Лошадь везли — испугалась, бедная! Наверное, впервые летела. Лежала она — затянута в брезент — на полу, в тесноте, прямо на огурцах. И Володя с ней на огурцах лежал. Обычно он рядом с братом сидит или позади брата, а тут лег на огурцах — из-за лошади: жалел он ее, всю дорогу гладил по умной большой голове, успокаивал. Глаза у лошади были грустные-грустные, в толстых редких ресницах, темно-синие — цвета спелых можжевельных ягод...

Володя остановился и посмотрел вокруг: широкое и гладкое течение, тянувшееся несколько километров, осталось позади. И открытый берег с валунами тоже остался позади. Река стала мелкой, бурной, усеянной камнями, седой

от бурунов. А на берег выбежали деревья, и наполнило между ними болото. Тут и там торчали над болотными кочками высохшие лиственницы и ели.

Солнце уже пошло книзу, и наступила самая жара. Жара ведь не в полдень бывает, а чуть позже, когда все вокруг по-настоящему прогреется. Над болотистым берегом мельтешили серые тучи мошары. Она окончательно допекла Володю, и он достал из кармана пузырек с диметилфталатом — брат Иван подарил — и намазал руки, лицо, шею. И сразу его перестали кусать. Чудесная штука эта жидкость, здорово люди придумали! Полфлакона осталось, надо экономить: когда еще разживешься.

Володя опять двинулся в путь. Решил не обедать.

Володя двинулся, и мошкара за ним двинулась, и оводы, и солнце, и одинокое белое облачко над головой — все они двинулись вперед вместе с Володей. Река бежала навстречу, а камни, кусты, деревья, болотные кочки — встречали их и провожали, медленно убегая назад. Одни только горы над вершушками тайги величественно застыли на месте — синие, с прожилками снега — вдали у горизонта.

Тропинка вилась между заросшими травой болотными кочками, иногда сбегала на прибрежную гальку и здесь, на камнях, становилась невидимой, а потом опять петляла по земле. В воздухе над рекой стояли тяжелые запахи болота. Среди этих запахов — ржавой воды и гниющих трав — Володя вдруг опять уловил еле слышимый запах гари. Он на минуту остановился: явно пахло костром, хотя никого вокруг не было. Он опять пошagal, и запах гари исчез, как будто Володя прошел сквозь него, как сквозь невидимое облако.

Володя вспомнил, как летали они с Иваном на тушение пожаров. Запах гари сопровождал их тогда в течение всего полета... да что там запах! Под ними был огонь! За сорок пять минут полета они обнаружили в тайге четыре пожара! Частые были пожары в это лето из-за жары, из-за того, что с весны не пролилось над тайгой ни одного дождя. Страшное это дело: гибнет лес, гибнут звери. Даже люди иногда гибнут — во время тушения пожаров или если настигнет в тайге огонь одинокого человека.

В основном эти пожары возникают по берегам рек, на охотничьих и туристских тропах: от неосторожных костров или окурков... Это-то понятно, а вот как огонь возникает вдали от рек и таежных троп — в глухой чаще? Брат Иван объяснял, что случается в тайге и самовозгорание. Сухая трава или мох могут возгореться от капли росы: такая росинка играет роль увеличительного стекла. Редкий, вообще, случай, хотя в сильную жару не такой уж и редкий. Круглая, налившаяся капля росы где-нибудь над сухим, как порох, мхом, может случайно сфокусировать солнечный луч в одну точку — и полоплетт тлеющий огонь по торфя-

нику, по сухим лишайникам на корнях деревьев, по высохшим гнилушкам, схватится за хворост, за космы травы, наберет силу, обнимет стволы сухостоя — и запылает они, как факелы, и подожгут тайгу! А бывает, что выгорит сверху тайга и уйдет огонь под землю — в торф — и горит месяцами... Попробуй-ка потушить такой пожар! А надо тушить. Володин брат Иван, командир звена вертолетов «МИ-4», все лето с огнем воевал.

Не так давно — месяца полтора назад — брал он Володю с собой. Был еще с ним летнаб Альфред: он сидел рядом с Иваном, с картой на коленях — отвечал на ней очаги пожаров. Чудное, нерусское было у летнаба имя, а фамилия русская, самая что ни на есть: Печкин. Альфред Печкин — смешно! Но звали все летнаба просто Алик.

Володя в вертолете позади Ивана на железном ящике примылся, заглядывает Ивану через плечо. Любил Володя смотреть, как Иван вертолетом управляет: держит в руках рычаг управления, перед ним на панели разноцветные огоньки вспыхивают — мигают, гаснут. Разные кнопки и рычажки отсвечивают пластмассой и сталью. Светло в вертолете — окон много: и впереди, и с боков. Иван с Аликом в шлемофонах — переговариваются между собой по радио. А Володя только рев мотора слышит, только гудит у него в ушах. Вертолет дрожит, поднимаясь над аэродромом, накренившись на левый бок. А земля под ними накренилась вправо: кажется, вот-вот домишки с нее все в небо посыпятся... как с тарелки!

Земля внизу, под раскаленным небом, лежала в желтовато-молочном мареве. Прямые улочки поселка и пристань с коричневыми скорлупками пароходов в разлившейся Печоре, и беззвучно стреляющая дымом лесопилка на желтом, усыпанном опилками берегу — сразу уползли по наклонной земле к горизонту. Впереди и по сторонам раскинулся красивый, яркий, нетронутый ковер зеленых лесов и ядовито-оранжевых болот, прорезанный голубыми полосками ручейков и пятнами озер. Особенно красивые зеркала озер в голубых рамах лесных берегов. Только тень вертолета бесшумно и таинственно перечеркивала эти озера, реки, леса и болота — тень скользила вниз, все время меняя свои очертания, словно хотела оторваться и полететь.

Вскоре они кружили над пожаром, немного в стороне, все время сужая круги. Володя принял к оку, расплившись о стекло нос, и смотрел, как дым переливается над деревьями густыми волнами, поднимается клубами вверх и растекается удушливой пеленой к востоку, в сторону Уральских гор, куда дул ветер. Ветер, как невидимый мех, коварно раздувал и без такого огромного пламя, стрелявшее сквозь облака дыма хлопьями искр и целыми горящими сучьями, и больно было смотреть, как корчатся в огне живые деревья... Могучий огонь бушевал посреди пустынных болот и лесов, и его красные языки вспыхивали то тут, то там, про-

рываясь сквозь плотные клубы дыма; солнце побледнело и светило, как сквозь закопченное стекло. Все тонуло в этом желтом сухом тумане, дым залезал в нос и в глаза, и Володя увидел, как застались по стеклам кабины очумевшие оводы, падая на пол, да и сам Володя закашлялся...

Брат Иван обернулся и что-то крикнул Володе, но Володя не понял, заматав головой. Ивану этот дым был ни о чем, он улыбнулся брату белыми ровными зубами и синими глазами на загорелом лице, гладко выбритый, в аккуратно выглаженном кителе, при белом воротничке и галстуке. Если б не шлемофон, तो порщивший его русые волосы, можно было подумать, что Иван не на работе, а на празднике. Но таковы все Ивановы друзья — летчики — тем они всегда и нравились Володе, недаром он мечтал быть таким же.

Вертолет уже повернул в сторону от пожара и летел теперь низко над лохматой тайгой вместе с поредевшим дымом, проносясь над деревьями боком, потому что его заносило ветром. Вертолет, подумал Володя, все время летает вот так, боком, и кажется неповоротливым. Зато он садится на любом пятачке без пробега и может висеть в воздухе на одном месте неподвижно, как стрекоза.

До маленького поселка лесорубов долетели быстро — сначала показалась внизу река с длинными связками плотов вдоль желтых песчаных берегов, потом плешивые лесные вырубki с замысловатыми петлями дороги, и неожиданно открылись в зеленой роще на берегу две светлые беселье улочки со спичечными коробками домишек...

Было обеденное время, и залитый солнцем поселок на первый взгляд казался вымершим, но это только казалось. Сделав над поселком два грохочущих круга, вертолет отлетел к зеленой лужайке на берегу реки и встал там на три точки. К нему уже бежали мальчишки и собаки, а за ними поспевали взрослые — лесорубы и трактористы...

Одинокое шагая сейчас по тропинке вдоль шумящей реки, под вечерующим небом, Володя вспоминал весь этот полет. На само тушение его в тот раз не взяли — потому что это опасно, сказал брат Иван. Он сказал, что Володе там нечего делать, тем более что вертолет маленький — от силы заберет человек восемь, — и пока Иван трижды отвозил людей на пожар, Володя с мальчишками и собаками купался в реке. Речушка была маленькая и небыстрая, с густой коричневой, как чай, водой и песчаным илистым дном, не то что родной Володин Илыч.

...Теперь Володя шел по пояс в густой траве — тропинка тесно заросла с двух сторон, и река вдоль берегов тоже заросла травой и кувшинками, они росли даже в середине реки. На глубоких местах поверхность реки была

гладкой, как зеркало, и немного выпуклой от сильного течения. Володя остановился, посмотрел вперед, навстречу реке. Вода бежала дальше под явно видимым глазу наклоном, потоку и течение было таким напористым, и поверхность воды напоминала продолговатое увеличительное стекло. Эта стеклянная поверхность то и дело вскальзывалась изнутри играющими хариусами — осколки водяного стекла, сверкнув на солнце, падали обратно в реку, а живые круги от всплесков быстро уносились прочь. Начинался вечерний клев. Володе захотелось размотать удочку и забросить ее в эти гладкие быстрые воды — очень захотелось! — но он сдержался.

Оводов почти не стало, а комары все еще сопровождали его серенькой мельтешащей тучкой. Володя шел пружинящим быстрым шагом, и мысли шли с ним нога в ногу, витая в то же время невесте где — и над землей, и в Ивановом вертолете, и в избушке у дедушки Мартемьяна, и в маленькой деревенской школе возле классной доски, и даже — вот диво-то! — в самой Москве, в которой Володя еще не бывал, только видел ее в школьном телевизоре: странная, вся в камень закованная земля, а дома высокие, как скалы! Иван обещал взять его на будущий год в отпуск в Москву. Говорил, что будут они жить там в гостинице «Россия» — в таком огромном и широком доме, что если войдешь в этот дом не с той стороны, то заблудишься и никогда оттудова не выйдешь... Но Володя сразу решил, что будет в Москве за Ивана держаться, от него ни на шаг!

Володя шел весело, хотя и устало. Но какой же мужчина не устает? Настоящий мужчина всегда устает, потому что он много работает — дрова колет, лодку водит, дом строит — или ходит сутками по тайге — летом и зимой, — за зверем гоняется! Это только лентяй не устает, потому что он все время лежит, жир накапливает! Да еще пьяницы не устают, потому что они только пьют да спят. Хотя вот Алевтинин отец — Пропок — от выпивки очень устает. И вид у него очень усталый после выпивки, дохлый вид. Это сначала, после первых рюмок Пропок бодрый бывает, но эта бодрость его какая-то бестолковая. Начинает он тогда суетиться, болтает без умолку, а врет — семь верст до небес и все лесом! Или вдруг ни с того ни с сего плясать начнет. Но его ненадолго хватает: падает Пропок на лавку или просто на пол и тяжело дышит — вот-вот умрет. Лицо Прокопа, с рыжей клинообразной бородкой, красное, мутные блеклые глаза прячутся в помятых мешочках век, а улыбается он гнилыми зубами — будто ощеривается — укусьте. Руки всегда потные, мокрые, после всегда надо руки вытирать, противно...

Удивительно, что именно Алевтина — дочь Прокопа — лучший Володин друг! Володя не помнит, когда они с Алевтиной дружить начали: давно это началось, еще когда они оба под столом лазили, играли там в куклы. Там и началась эта дружба — под столом да под лавка-

ми, смешно! Володя, конечно, ни с кем об этом не говорит, так, про себя об этом иногда думает, вот как сейчас... В те далекие годы Володины родители еще живы были... плохо их Володя помнит, плохо. Смерть родителей — это камень на Володином сердце. Тяжелый камень, хоть Володя не болтает обо всем попусту. Молчаливый он человек. И Алевтина тоже много не болтает. Потому они, наверное, и сдружились. Горе их сдружило. Хотя могло их это горе и поссорить. Врагами сделать. Потому что кошка между их домами пробежала...

Володя с Алевтиной, как сойдутся вместе, больше молчат. Или книжку читают. Друг дружке вслух. О родителях никогда не говорят. Зачем понапрасну рассусоливать, когда и так все ясно! Тем и отличаются настоящие друзья, что они друг другу без слов понимают. Это только старушки, прилипшие, как поганки, к завалинкам, мучают Алевтину: «Ах ты, беденькая! Сиротиночка при живом отце!»

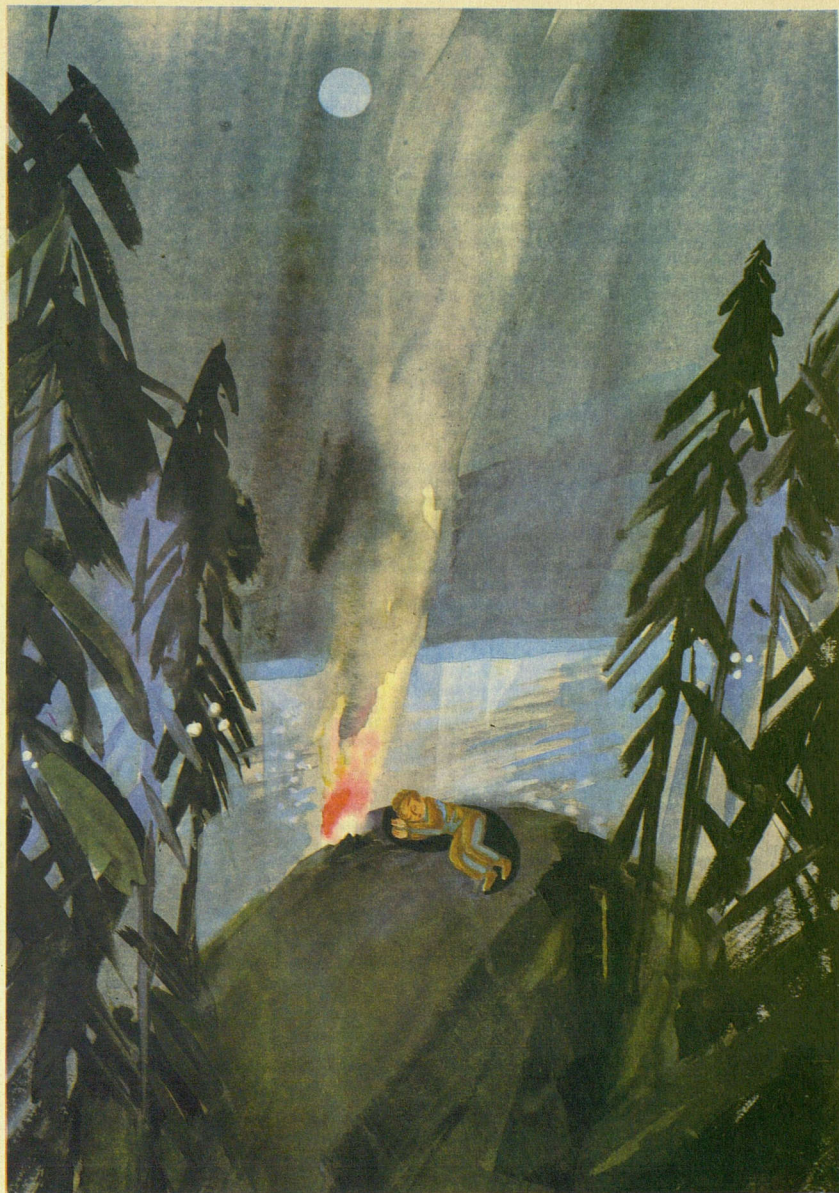
Хуже нет таких разговоров. Алевтина от них всегда в лес убегала, от таких утешителей. Здесь и находил ее Володя. Сидит, бывало, Алевтина где-нибудь за деревней на речном обрыве, пристроится на корточках, натянув подол на колени, и смотрит в воду быстро, в темный омут, жуя травинку... Глаза большие, заплаканные... Подойдет Володя тихонько, сядет рядом и молчит — только сорвет, как Алевтина, травинку и тоже жует ее, глядя в воду...

Один раз странный очень случай был; никто про этот случай не знает, и не узнает никто никогда! Володе иногда даже кажется, что этого вовсе и не было, это ему только приснилось... Один раз в школе на шумной перемене, когда все выбежали на улицу и стали играть в снежки, и Володя играл, подбежала к нему вдруг запыхавшаяся Алевтина — красная, растрепанная, схватила Володю крепко за руку и, глядя ему прямо и близко в глаза своими черными зрачками, быстро прошептала: «Один только ты во всей деревне человек, Володечка! Один только ты!» — быстро поцеловала его — почему-то в волосы — и умчалась, оставив Володю стоять с раскрытым ртом, из которого вырывался морозный дух.

...Наконец, Володя дошел до заранее намеченного места. Высокое это было место на обрывистом берегу над рекой. Когда подошел, показалось в сумерках, что сидит посреди поляны на самом обрыве Алевтина... Володя даже вздрогнул. Но нет: откуда она могла здесь взяться? Конечно, это был корень! Володя опустился на траву. Ноги гудели от долгой ходьбы. Он скинул с плеча звякнувший о землю мешок. Высокое здесь было место, сухое. Глубоко вниз, в темных берегах шумела река, отсвечивая последним светом скрывшегося солнца.

Ловить рыбу Володя не стал, поздно, устал очень. Даже есть не стал. Отойдя в сторону, в кусты, подвесил на черной елочке мешок, натаскал в сумерках хворосту на открытое место, приладил сверху здоровое сухое полено,

разжег костер. Пламя заляпало желтыми язычками, затрещало, и вокруг сразу стало темней. Тепло у костра, глаза слипались. Володя намазался диметилфталатом, свернулся калачиком и сразу заснул...

Спал он долго и крепко, согретый и освещенный костром — свернувшись калачиком на пустом бугре под бескрайним небом. Река баякала его своим бесконечным бормотанием. Деревья и кусты обступили бережно Володю. Тихо было вокруг. Осеннее глубокое небо мигало бесконечными звездами: «Т-с-с! Не будите Володю!» — «Не будем, не будем, не будем!» — шумела под берегом река. А деревья молчали. И ветер спал.

А потом проснулся Володя, увидел возле себя дедушку Мартемьяна и чуть не закричал от радости — но сдержался.

— Ищу я тебя тут, — улыбнулся дедушка. — Сам вот чуть не заблудился...

— Я тут разных корешков захватил, — сказал дедушка, присаживаясь на корточки. — Вот здесь, в узелочке...

Он развязал и расстелил на каменном полу бабушкин черный платок с красными розами — давно поблекший, выцветший, хорошо знакомый Володе. В платке были еще узелочки, маленькие, серенькие, с разными травами, которые дедушка всегда собирал в тайге — по берегам Илыча, и в чаще, и на солнечных полянках, и на болоте.

— Вот это лютики, — приговаривал дедушка, развязывая и опять завязывая узелки, — это сон-трава; вот это чистотел, это — анютины глазки, а вот и наша травка дорогая: душишник!

Володя смотрел, как дедушка пересыпал сухие поломанные стебельки с держащимися коегде бледно-розовыми цветами из тряпочки на платок, потом разорвал тряпочку на две части и стал брать душишник шепотками, деля его на две равные кучки...

— А почему эту траву душишником зовут? — спросил Володя.

— Потому что в ней такая душевная сила заложена, — прошептал дедушка. — Эту траву надо всегда на груди носить! Тогда никогда не заблудишься! Отовсюду тебя эта трава дождь приведет! Вот брат Иван смеется надо мной! А напрасно! На, спрячь за пазухой, — сказал он, протягивая Володе узелок.

— Теперь пойдем? — спросил Володя. — В какую сторону?

— Теперь есть компас надо раскрутить, — сказал дедушка.

Володя слышал, что дед Мартемьян умеет раскручивать компас, но и об этом Володя тоже никогда нигде не болтал — боялись за это в деревне деда. Шепотом, слухами пробавлялись иногда по сторонам. За глаза. А если когда кто и спрашивал об этом дедушку, тот только смеялся. «Да что вы!» — говорит. — Какой такой компас раскручивать? Болтаете разные

глупости!» Но Володя верил — умеет дед раскручивать компас!..

— А как это у тебя получается? — спросил Володя во сне.

Ничего толком не объяснил дедушка.

— Да я и сам не знаю! — говорит. — Сила во мне такая магнетическая сидит!

— А меня научишь? — спросил Володя.

— Научить этому нельзя, — строго сказал дедушка. — Это человеку от роду дается. Да не каждому. Очно это редкое свойство. Ты попробуй, может, когда сам и добьешься...

Положил дедушка наземь свой компас старинный — matka называемый, в деревянной некрашеной круглой коробочке с крышкой, внутри на белом поле черная стрелка — наклонился над ними и стал над стрелкой растопыренными пальцами в воздухе водить — закрутилась стрелка, и увидел Володя, что вдруг закрутилось все быстрее и быстрее — замелькало перед глазами бесконечной каруселью, посреди которой сидел он с дедушкой — замелькало, закрутилось вослед за стрелкой — как будто Володя долго бежал, — потом дедушка руки как-то отнимет! — все сразу остановилось — Володя упал, вскрикнув, — и открыл глаза, увидел себя на высоком, освещенном солнцем бугре над рекой: утро, костер рядом потух, река шумит, птицы поют и никакого дедушки рядом нет...

Володя потянулся в траве и встал, озираясь по сторонам. Холм возвышался над крутым изгибом реки. Чуть выше по течению река натапливалась на камни и закипала. Повыше порога впадал в Илыч приток Сар-Ю — как раз на правом, Володином берегу. Володя должен был перейти Сар-Ю вброд и дальше двигаться в стороне от реки — здесь Володя расставался с большим Илычем, чтобы снова встретиться с ним уже возле избушки. Володин путь лежал по прямой тропе на восток, через хребет Ид-жид Парма — а река огибала этот хребет широким неровным полукругом.

С бугра над рекой все выглядело таким простым: если идти все время прямо на восток, то непременно натолкнешься на течение Илыча... Это ж ясно! Не надо только волноваться. Конечно, без реки идти трудней. Но тропа тоже верный товарищ. Если ее не терять. Тропу легче потерять, нежели течение реки. Течение реки потерять просто невозможно! Но ведь есть и другие ориентиры — есть хребет, который лежит поперек тропы, есть гора Эбель-Из в конце дороги... Да и солнце есть, в конце концов! И луна есть, и звезды! Тоже путь указывают...

Володя прикрыл глаза ладонью и посмотрел на солнце — оно уже вскарабкалось довольно высоко и обещало быть жарким. И небо опять было удивительно чистым — ни единого облачка.

Володя вздохнул глубоко, всей грудью, и оглядел бугор, на котором стоял. Роса на тра-

ве и кустах обсохла, только зола потухшего костра была еще мокрой от впитавшейся за ночь влаги. Над рекой расплзались запоздавшие ключья тумана.

Володя повернулся спиной к реке и оглядел поляну. И увидел Володя то, о чем знал, но чего не видно было вчера в сумерках, когда он сюда подошел. На фоне осенних пылающих берез, зеленых елей и лиственниц темнели в кустах, в зарослях крапивы и иван-чая полуразрушенные строения — бывший Прокопов хутор.

В небе над поляной, почти не двигая крыльями, кружил сокол; наверно, высматривал мышей.

Широкая поляна была покрыта густой некоей, и с трех сторон наступала на нее тайга, высылая вперед заросли тала, маленькие елочки и карликовую березу. Кустистая береза с красными ветвями кудрявилась мелкими — в копейку — листочками. Маленькие елочки торчали в кустах, как темные свечки. А возле остатков Прокоповой избы буyno разросся иван-чай. Казалось, от ярких лиловых цветов даже воздух вокруг стал лиловым, и лиловой стала внизу река, и лиловым — небо.

Дед Мартымян долго рассказывал Володе об этом цветке. Грустный это цветок. Он всегда буyno разрастается на пепелищах и пустырях — в местах, покинутых людьми.

Иван-чай поселяется в покинутых деревнях, в брошенных хуторах, в позабытых избушках. Здесь он подходит на цыпочках к слепым окнам, поднимается на прогнившие ступеньки, входит в пустые комнаты, сияя своим пронзительно-печальным лиловым цветом, и шепчется, шепчется, вспоминая об ушедших...

Володя проверял Мартымяновы слова, когда они путешествовали по Ильчу. Как только замечали они вдоль по реке лиловые цветы иван-чая, то вылезали на берег и непременно находили там остатки людского жилья.

Вот и сейчас: стоял Володя на высоком берегу, на полузросшей подлеском поляне и смотрел на серебристо-черные стены Прокопова хутора — седые стены. Володя их сразу узнал.

Стены Прокоповой избы, окруженные иван-чаем, обросли с северной стороны мшистыми бледно-зелеными бородами. Остатки крыши торчали черным скелетом. В отдалении возникли из буйных зарослей еще какие-то строения: баня, пекарня, сарай, островерхая, на высоких, утонувших в крапиве столбах, кладовая, похожая на избушку Бабы-Яги, с петухом на крыше.

Володя побродил вокруг, раздвигая иногда руками высокие — выше головы — заросли иван-чая и крапивы, дошел до края поляны, где начиналась тайга. Здесь Володя ступил на белесую от времени, сложенную из огромных бревен дорогу — она уходила в заваленную буреломом чащу: дальше было темно и страшно! Из чащи тянуло прелым запахом сырос-

ти. Между прогнивших бревен дороги проби- валась ярко-зеленая трава, а местами, где бревна провалились, тускло светилась ржавая болотная жижа. Дорога, ведущая в никуда! «Пойдешь по ней — не веротишься!» — подумал Володя. — Может она привести тебя к лешим, а может просто на тот свет...»

Когда-то по этой дороге ездил отец Прокопа — важный купчина; и к нему ездили — охотники да скупщики пушнины. Богатый человек был Прокопов отец! — дед Мартымян сказывал. Были у него лошади — не одна пара, и коровы, и всякая птица. И пекарня недаром была: держал тут Прокопов отец заезжий двор и чайную. И баня была большая, топившаяся по-белому — вон какие высокие стены из кустов выглядывают: не чета деревенским банькам. Зиму и лето парились тут купцы да охотники, гоняли в душею чайной чаи, заедаая калачами. И волку пили. Было такое время!

Раскулачили потом Прокопова отца, сосла- ли его далеко на восток, откуда он уже не вер- нулся. Барахлишко все отобрали, Прокоп с ма- терью переехали жить в деревню. Прокопова отца никто не жалел: раскулачивали его всей деревней, когда колхоз создавали. Был Про- копов отец душегою и вор, нажил свое богат- ство на чужой крови да слезах. Он обирал всех в округе, вся семга по Ильчу его была, вся дичь, все зверье: все за бесценно скупал или отнимал даром. Особенно у ссыльных. Было в этих местах когда-то много ссыльных людей, революционеров.

Посмотрел Володя вокруг: на тяжелые жел- тые колокольчики в болотной траве, на зарос- ли карликовой березы, крапивы и иван-чая, на ели, березы и лиственницы, обступившие по- ляню с трех сторон; с четвертой стороны, за рекой, которую отсюда не видно было за об- рывистым берегом, зеленели волны тайги — как море. А надо всем этим сияло загадочное лиловое небо.

«Небо хранит какую-то тайну, — подумал Володя. — Впрочем, как все. Как и вот эти грибы в траве, между бревен. Разве в грибах нет тайны? А почему они тогда такие стран- ные, ни на кого не похожие? Почему у них ли- сточков нет, одни только круглые шляпки? И почему они часто на полянах кругами растут? «Ведьмины кольца» называются эти круги, де- душка говорил. Вроде бы ведьмы здесь по но- чам пляшут, оттого и грибы кругами растут... Чепуха все это, конечно! И все-таки в грибах своя тайна, как и в иван-чае».

Володя нагнулся и снял с коричневой шляп- ки боровика прихосийский березовый листик.

«Еще некоторые говорят — зачем комары?.. Но ведь комарами хариус питается — как же без комаров? Что бы ела молодая семга, если б не комары? Подходили бы все мальки, и люди бы без семги остались! И без хариуса. К ко- марам привыкнуть можно, а потом и средство от них есть...»

Продолжение следует

ЗЕЛЕНАЯ РАКЕТА

ПИСЬМО ДРУГУ-ТИМУРОВЦУ
В. Верховский

БУДУ РАД ВАШЕЙ ДРУЖБЕ

Арктическое солнце встало сегодня на два часа раньше арктических горнистов. Его разбудили чайки, что гнездятся на Адаллахар и просятаться самыми первыми. Просыпаются и до шороха волн, и до грома прибоя, и до дразнящих запахов ветра.

И хорошо, что никто не видел, как спешил я мимо Костровой площадки. Тревожно поглядывая на часы, карабкался по тропе Гайдара. Моя утренняя вылазка на Аю-Даг не имеет к этому открытию никакого отношения. Первым узнал об этом Роман Мархольца, один мой новый знакомый. Уникальный человечек, маленького роста, ершистый, непоседливый и бесконечно улыбчивый.

Когда он рассказывал о своих делах, я неловко жмурился, так все у него солнечно получается...

— В школе у нас — драмкружок. В инсценировке Тимура и его команда! мне поручили роль Тимура.

Вечером, после моего выступления, мама спрашивает: «Как дела, артист?» — «Нормально», — отвечаю, — ребятам понравилось, хлопали здорово». — «Ну, ну», — говорит мама и больше не зытит эту тему — ни слова. Я так и не понял: показвала она меня или нет. Стад думать, почему такое происходит. И вдруг понял: «Ай, Роман Мархольца, ведь ты — действительно артист. Тимура играешь, а сам даже — не тимуровец».

Уже на следующий день я записался в тимуровцы и стал шефствовать над одной старушкой. Зовут ее Зинаида Михайловна. Живет одна, часто болеет, бед по хозяйству много, помню, некогда. Прихожу однажды из школы, а мне говорят: «Заболела твоя Зинаида Михайловна». Я скорей к ней, спрашиваю: «Что с вами?» Отвечает: «Худо мне, Роман, совсем худо, умираю, наверное». Я говорю: «Покалуйста, не волнуйтесь, не умирайте, все будет хорошо». И — сначала за доктором — бегом, потом в аптеку — бегом, по магазину. Прихожу. Все сделав, переделав, еле отдишался. «Вот теперь, — думаю, — домой пойду, поспокою и за уроки сяду». И тут меня словно кто-то ударил: меня-то дома накорякает, а как же Зинаида Михайловна! Что с того, что я ей продукты купил! Как себе

обед сварит, если даже ходить не может! Словом, обед для Зинаиды Михайловны моя мама варила. И хоть было это в прошлом году, до сих пор вспомнить не люблю.

А вчера, понимаете, иду я мимо летней эстрады, смотрю: на дороге два человека руками размахивают. Подошел поближе, — спорят, каким должен быть тимуровец. Спорили, спорили — разошлись. Подрожу к одному и говорю: «Ты, я вижу, умный человек, но скажи, пожалуйста, обеды варить умеешь?» Подумал он, отвечает: «Не умею». «Знаковая история, — говорю я ему, — артист ты, а не тимуровец». Спрашивает: «Почему артист, при чем тут обед?» — «А ты подумай, дорогой, — говорю я ему, — обязательно подумай. Роман Мархольца спрашивает не будет...»

В этом рассказе — весь Роман, насмешливый, думающий. Памятуют о твоей просьбе, взял его адрес: Абхазская АССР, г. Сухуми, Индустриальная, 140, кв. 6. Буду рад, если вы тоже подружитесь.

ГЛАВНОЕ — ВЗЯТЬСЯ ЗА ДЕЛО

И опять — столько было встреч и событий, что писать мое послание днем не было никакой возможности. Во-первых, была конференция «Тимуровцы 70-х годов». Слушал и вспоминал все наши разговоры. Тайно или явно работать тимуровцам! Ребята считают: и тайно, и явно, в зависимости от обстоятельств. Нужен ли взрослый вожатый тимуровскому отряду! Некоторые склоняются к мысли — нужен. Но, как показывала жизнь, можно работать и без вожатого.

Самая важная мысль, высказанная на конференции, — тимуровцы должны больше помогать взрослым в определяющем, четвертом году пилетки. Тимуровцы обязаны взять шефство над детскими домами, инвалидами войны и труде, пенсионерами.

Ты вот все говоришь: «Пенсионеры отремонтуют квартиру» — проблема! А что, если нам взять на себя, брать, красноречиво, клеить — не такая уж сложная работа... Что могу ответить? Десятки, сотни тимуровских мастеров и бюро добрых услуг работают в городах и селах нашей страны. Пора и тебе действовать.

Признаться, удивило одно выступление — Кати Никитиной. Она рассказывала, как они проводили рейд, чтобы выяснить, помогают ли тимуровцы своим родителям. И столкнулись с проблемой. Бабушки заступаются за своих внуков, говорят: «Что вы! Они у нас хорошие!» «Как быть с бабушками?» — спрашивала Катя.

В зале — хохот. Всем ясно: никакой проблемы нет. Хотела или не хотела Катя, но доказала обратное: тимуровцы у них работают плохо. Если нужны проверяльщики, то о каком деле может идти речь? Проблему «Как быть с бабушками!» никто всерьез не воспринял. А я в этот же день столкнулся с фактом, который заставил взглянуть на нее иными глазами.

Эля Абдурахимова сообщила мне, как помогли они одной пожилой женщине, старухе выполняли все ее просьбы. Старушка, видя, какие они расторопные да умные, однажды и попросила: «Уж вы, мои милые, се-

годня и кулич мне испеките: к пасхе готовлюсь. И на пасху обязательно приходит. Лучшими гостями будете». И что же ты думаешь? — тимуровцы согласились!

Спрашиваю Элю: «Как же так получилось?» Отвечает: «Неудобо было отказываться».

И АРТЕК ЗАСТУПИЛСЯ...

Познакомился я здесь с Татьяной Николаевной Коноховой, вожатой дружины «Лесная». Услышал от нее такой рассказ.

— Приехал из Караганды в Артек Сааша Сосков. Приехал, можно сказать, случайно и не случайно. Нашелся добрый человек, хорошо его знавший, и помог достать путевку. А в Артеке — как? Два дня на знакомство и разъяснения, а на третий день выбирают актив. Пригласился в первом отряде к Сашике и выбрал командиром. А для того — трагедия! Отзывает он в сторону Татьяну Николаевну и говорит: «Что вы наделали! Ведь в школе меня считают самым плохим, хулиганом, простите, считают. А вы — председателем отряда выбрали. Исправляйте скорее свою ошибку».

Татьяна Николаевна даже возмутилась: «Во-первых, не я, а ребята тебе выбрели. Во-вторых, если допустили ошибку, через две недели, как и положено, переизберут и без твоих напоминаний. Но ты и вправду себя помин считашь!». Давай договоримся, — предлагает вожатка, — о том, что было, забудь. Живи, как теперь считаешь нужным.

Стал Сааша председателем своего отряда. И, как утверждают в дружинке, отличник. По-настоящему, не вдум и не сразу такое делается.

Поверил Сааша: опыт — дело наживное; старался, вкалывал, не жалел себя... С каждым днем, с каждым Сашиным поступком убеждалась Татьяна Николаевна в правильности своей первой догадки. Никогда он не купил. У него к этому даже элементарных способностей нет: ведь он честный, отзывчивый, добрый.

«И знаете, — рассказывала вожатка, — даже неловко было перед ним, что где-то там, в его школе, никто не удосужился поговорить

с ним по душам. Но зато эти «ничто» прислали письма так, мол, и так, оправдательные наши-то Соскова облато. Это не тимуровец, а ответный казинец».

Да, Сергея, к сожалению, еще бывает и так. Возмущаюсь, но бываю.

Артек заступился за парня: не Саашу, а умное, дипломатичное письмо отправили в ответ на присланное. И стало в нашем полку на одного тимуровца больше!

А теперь — о самой Татьяне Николаевне. Здесь я, как ни стараюсь, удовлетворить твою любознательность не могу. И ты ко мне никаким претензий не предъявляй. Узнать удалось мало-мало. В Артеке она — шестой год. В отряде у нее были не только наши ребята, но и французы, югославы, американцы. До Артека работала в школе, учителем русского языка и литературы.

Вот так-то, Сергей. И как на всех у нее и времени и щедрости хватает?

ПОНЧИК, ВОЖАК И СИГАРКА

Была у меня сегодня в дружинке «Лазурная» очень интересная встреча. И вот теперь я должен получить из Риги одно письмо. Самое уди-

вительное — содержание его я уже знаю. А потому слушаю самым внимательнейшим образом:

«Всем пионерам Советского Союза!

Мы, квакинцы с улицы Бикирниеку, именуемые Пончик, Вожак и Сигарка, после долгих раздумий и совещаний пришли к выводу — больше так жить не можем. Нам стыдно смотреть в глаза Тимуре нашей улицы — Марине Озолинг. Ведь мы вредили ее тимуровскому отряду и ей лично самым отчаянным образом. А именно:

Когда в прошлом году Маринка занималась

шишек, ничего не установили. И опять уверяем вас: жить так больше не можем. Если есть на нас надежда, пожалуйста нам прощение. А мы — на все согласны. В ожидании вашего решения написанное подписали Пончик, Вожак и Сигарка.

Город Рига, улица Бикирниеку, дом 12-6».

Что означает это таинственное послание?

Во-первых, — все это правда.

А во-вторых, — подсказка Пончику, Вожаку и Сигарке, как они должны поступить. Веря, что они одумаются, я специально не называю пока их имена и фамилии.

с одной двоечницей из нашего двора, мы кидали в окошко камнями, зазывали двоечницу в кино, а Маринку грозились побить, если она от нее не откажется. Хотите — бейте нас, хотите — нет, но мы мешали человеку делать добро. И удивимся настырности и упрямству Маринки, ибо ее подопечная перешла в следующий класс с одной тройкой. Все остальные отметки — четверки и пятёрки.

Весной, когда Озолинг с отрядом взяла шефство над престарелым пенсионером и копали в его саду грядки, мы эти грядки по ночам вытаптывали. А еще прихватили там от мопеда мотор и надежно заховали в подвале. Но мотор они каким-то чудом разыскали и вернули владельцу.

Да, это мы совершали набеги на сады, ломали заборы, били собак и кошек, воровали тьюлпаны и пускали их «налево».

Мы пытались установить — кто из нас троих больше всех виноват, но, кроме сняжков и

Может, помнишь, как читали однажды с тобой Павла Шубина:

...Зеленой ракетой мы начали ту
Атаку на вражескую высоту...

Это я к тому, что тебе, и Роману Мархолия, и Сашке Соскову, и всем нашим ребятам повоевать с такими, как Пончик, еще придется. А теперь очередное задание.

Выясни, почему тимуровцы 415 школы Ленинграда забыли дорогу к Анне Петровне Горкушенко. Десять лет шефствовали. Узнали историю подвига ее сыновей. Добились, чтобы улицу в Петродворце назвали улицей братьев Горкушенко. И вдруг — такое положение.

Как его исправлять, это положение, объяснять не буду. Думай, не маленький.

Крепко жму твою мужественную руку.

До скорой встречи!

Артек—Ленинград

Оформление А. Януса

ЗНАКОМЬТЕСЬ — „ЛЕНИНГРАДЕЦ“

Что такое КМЛ?

Двадцать семь маленьких домиков спрятались от южного солнца в тени деревьев.

В домиках жили: сорок пять комсомольцев — старшекласников, восемь пионеров, трое воспитателей и начальник, Виктор Александрович Никитин, а сокращенно — не только для ребят, но и для воспитателей — папа Витя. Были и другие обитатели: всеобщий любимец — уж Яшка, правда, он жил не в домике, а под домиком, и щенок Чучундра, очень похожий на Чебурашку.

Перед домиками широкая поляна.

А на поляне —

мачта, на которой развешен лагерьный стяг, тутовые деревья, сверху донизу осыпанные маленькими сочными ягодами, похожими на чернику, а по вкусу — на малину, фанерный щит с ежедневными «молниями» и стенгазетой,

стол, за которым читались и писались в далекий Ленинград письма, гладилось и штопалось рабочее обмундирование, волейбольная площадка, она же по совместительству место для танцев и концертов.

Все это вместе взятое и есть КМЛ — комсомольско-молодежный лагерь 386-й ленинградской школы. Он так и называется — «Ленинградец».

До столовой от «Ленинградца» — три минуты хода, до пляжа — одна, а на работу пешком ходить не надо: автобус подъезжает к самому лагерю. Впрочем, пешком-то и не доберешься: плантации совхоза «Юбилейный» раскинулись на десятки километров.

В прошлом году КМЛ «Ленинградец» — один из первых в нашей стране — завоевал зва-

Это Люда Борисова — наша ударница

Резать укроп — самая легкая работа

Проверим, готов ли рассол

Отдохнем — и купаться

ние коллектива коммунистического труда!

Как это было?

На вопросы корреспондента отвечают пионеры 386-й школы.

Всем бы такой характер

Лена Кузина: «До прошлого года пионеров в «Ленинградец» не брали: боялись, что запишим. Но теперь всем ясно: работать мы можем. Люде Борисовой, например, дирекция совхоза присвоила звание Ударника коммунистического труда. А характер у Люды, я вам прямо скажу, всем бы такой. Помню, собирали кабачки. Ветки у них колючие. Спина с непривычки болит. Да и жара — невообразимая, солнце как в Африке печет. Я и говорю Люде: «Спина болит». Она говорит: «У всех болит». Я говорю: «Жарко ведь, отдохни, ты же норму-то выполняла». Она говорит: «Тамара Шлякова уже за четвертую принялась». Словом, чуть что, сразу на Тамару показывала. А Тамара в лагере уже третье лето. Попробуй угонись за ней...»

Рекорд с изюминкой

Миша Большаков: «А мы на консервном заводе солили огурцы и капусту. Первое время по тридцать, тридцать пять бочек засаливали, а больше не получалось. Старшим над нами там был дядя Костя, совхозный бондарь. Лицо у него от загара темное-темное, даже морщины не видать. А руки, как у штангиста, — сплошные мускулы. Положит такую ручищу тебе на плечо — стоишь и шатаешься. На завод приезжал он всегда на велосипеде. И каждое утро у него с «дочек-сыночков» начиналось. «Доброго вам здоровья, дочки-сыночки, и доброй работы». Скажет это — и за весь день больше ни слова. За ра-

Ира Эдельштейн: «В старом пруду, неподалеку от нашего лагеря жило великое множество лягушек. Как только папа Витя давал по радио в десять часов отбой, начинались лягушечьи концерты. Они продолжались всю ночь до самого подъема. А после подъема — опять молчок, словно их и не было. Такой у них выработался условный рефлекс. Однажды мы упростили папу Витю так: подъем понарошку, через несколько минут после отбоя. И лягушки сразу замолчали. Но

КАК СОЗДАЛИ КАУЧУК

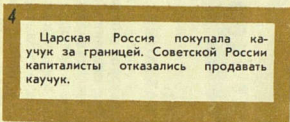
1
Еще за сотни лет до прибытия европейцев в Бразилию индейцы обожали играть в мяч.

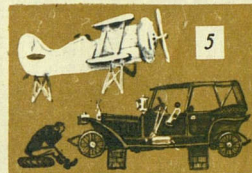
2
Первым европейцем они объяснили, что мячи делают из каучука — из слез дерева гевея. Так в Европе узнали о каучуке.

3
В прошлом веке из каучука научились делать резину, и каучук стал нужен всем.

4
Царская Россия покупала каучук за границы. Советской России капиталисты отказались продавать каучук.

5
Самолеты и автомобили стояли «без обуви». Людям требовались капоши и резиновые плащи. Стране грозил резиновый голод.

6
В 1926 году Советское правительство объявило всемирный конкурс на получение искусственного каучука.

7
Ученые уже пытались делать искусственный каучук. Они хотели, чтобы по составу он не отличался от натурального.

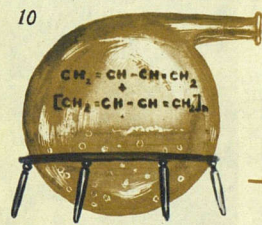

1874
≈
1934

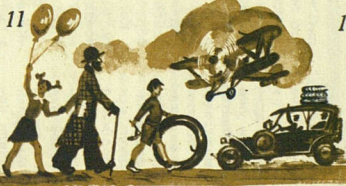
8
Известный химик, советский профессор Сергей Васильевич Лебедев решил обязательно получить дешевый и прочный искусственный каучук.

9
Вместе с друзьями он напряженно работал и к назначенному сроку получил два килограмма дешевого искусственного каучука. По составу он отличался от натурального, но был прочнее его.

10
Спирт — дивинил — каучук.

11
Лебедеву благодарили летчики и шоферы, старики и пионеры. По способу Лебедева страна стала получать каучука столько, сколько хотела.

12
Это лишь одно открытие в органической химии из тех, которые сделал Сергей Васильевич Лебедев.

БАРАБАНЫ

ЖУРНАЛ ЮНОКОВ КОСТРА

ПРО НАШИХ
ВЗРОСЛЫХ

Мой друг КОМСОМОЛЕЦ

У меня есть друг Вася. Живет он в Лужском районе Ленинградской области, куда я летом езжу на каникулы. Я дружу с ним давно. Теперь он уже комсомолец и работает трактористом. Однажды пошли мы с ним в лес, набрали на болото. А в болоте была красивая зеленая лужайка. Я хотел на нее ступить. Только ступил — провалился по пояс. Стало вытягивать все глубже. Вася быстро подбежал к краю и протянул мне ремень. Я ухватился за ремень, а он приволок сухое дерево, перекинул через опасное место, и я вышел. Мы пошли на озеро, выстлали мои тренировочные, развели костер, стали сушить. А Вася гово-

рит: «Теперь ты ученый. Знаешь, что такое болото».

Часто Вася брал меня с собой работать на тракторе. Раз тоже поехали и увидели, как кто-то в кустах копошится. Поглядели — а там зайчонок! Одна лапка в капкане, кровь сочится... Вася освободил зайчика. Мы взяли его с собой. Вася сказал: «Выведем, обратно в лес пустим».

Когда я летом приезжаю в Лугу, Вася всегда встречает меня у поезда. И я радуюсь, что у меня такой друг. Скоро ему в армию. Я спросил: «Будешь мне писать?» Он говорит: «А ты!» Я говорю: «Конечно!» Он сказал: «Порядок в танковых войсках!»

М. Анискин, 7 кл., г. Ленинград

В пионерском лагере «Молодая гвардия» — праздник Нептуна! Прежде чем окунуть новичка в воду — надо погуще вымазать его мыльной пеной... Терпи, моряк!

Фотографию прислала из Одессы южнор. «Барабан»

Смотри КАКИЕ КНИГИ

В февральском номере «Барабана» Надя Т. спрашивала: «Сколько книг можно прочесть за год?»

Пол-миллиона, — вопрос неправильный. Смотри какие книги! ...У нас в школе создан библиотечный совет. Я тоже в нем состою. В моем личном плане большинство книг на исторические темы. Я интересуюсь историей.

Гера Соколов, 7 класс, Пеково

Я — книжкоед

Я не «телевизиончик», а «книгоед». Но иногда я просто увлекаюсь «глотокистикой» страничек. Сложатся, а толку никакого. Важно ведь не просто прочесть книгу, а вникнуть в содержание, пережить прочитанное. Я собираюсь завести читательский дневник, чтобы делать записки о прочитанном.

Люда Ширяева, 7 класс, Свердловск

ДЕДУШКИНЫ МЕДАЛИ

Дорогой «Барабан»! У нас во дворе случилась история. У Коли умер дедушка. Коля вынес во двор дедушкины военные медали. А Вита вынес монеты. И они стали меняться. Я рассказываю про это дома. Папа говорит: «Скажи им, так поступать нельзя». На следующий день я хотела сказать ребятам, что меняться медалями нехорошо, но почему-то не смогла. Вечером папа спрашивает: «Ну, сказала?» Я говорю: «Нет». — «Почему?» — «Не знаю». — «Эх ты, а еще пионерка. Сам тогда скажу».

Я его просила не говорить, даже плакала, а он не послушал. И пошел домой к Коле. Коля папа сильно наказал. Коля и говорит: «Зачем ты это сделала?» А Коля говорит: «Я думал, раз дедушки нет, значит, можно...»

Теперь мне проходу не дают: «Жеда! Доносица!» Ругаются поколотить!

Гаял В., Ленинград

А ВЫ КАК СЧИТАЕТЕ:
ПРАВИЛЬНО ГАЛЯ
ПОСТУПИЛА?
ЧЕМ У ВАС ВО ДВОРЕ И
В ШКОЛЕ РЕБЯТА
МЕНЯЮТСЯ?
ЧТО КОЛЛЕКЦИОНИРУЮТ?

«Барабан», я нарисовала «Городок на Руси». Не знаю, были ли на Руси флягера, но с флягерами красивее».

Флора Галимова, 9

«Дорогой друг! Твое письмо мы показали научным сотрудникам и государственным Русского музея в Ленинграде. Они сказали: «Вопрос поставлен интересный, но он еще мало изучен. Твердо знаем одно: русские художники стали рисовать флягера в XVI веке. А были ли флягеры до этого — сказать трудно».

ГОРОД БЕЗ НАЗВАНИЯ

Наш город совсем молодой, еще без названия. Пока у нас всего шестнадцать домов, два детсада и большая школа. Город на берегу канала и окружен лесом. За городом строится атомная электростанция. Здесь работают люди,

приехавшие со всех концов Советского Союза. Наш город в Заполярье, и снег лежит до конца мая. Зимой у нас бывает прекрасное зрелище: северное сияние. Переживавшие всеми цветами радуги, сияние медленно уползает в сторону Мурманска. Прошлый год я видел сияние четыре раза, а раньше только раз.

Сергей Андрищико, Мурманская область

СЕРЕБРО НАШЕЙ МАРИНЫ

Марина Юрчина — серебряный призер первенства Европы среди юнiores. Проплыла 200 м брассом за 2.46.77. Мастер спорта. Любит музыку, танцы и... мороженое. Каждый день работает со штангой весом 12 кг. Сто раз толкает, два раза — выжимает. Плавает ежедневно от 2 до 10 километров: Марина — один из самых авторитетных людей в отряде.

Юнок Саша Чернышова, 7 кл., школа № 62, г. Одесса

БАРАБАН ПОЗДРАВЛЯЕТ
МАРИНУ
С СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЬЮ
И ЖЕЛАЕТ ЕЕ НОВЫХ
СПОРТИВНЫХ УСПЕХОВ!

рят: «Опять высибаешься!» Никто меня не понимает, и, видимо, никто не сможет помочь. Сейчас мои дела совсем плохи. На улице — сплошные дожди. Брат вечно торчит дома. Где заниматься и что делать — не знаю. В нашей школе нет даже танцевального кружка...

Света Шедидкова, дер. Яутла Курганской области

Мы передали письмо шестиклассницы Светы старшему преподавателю Ленинградского хореографического училища, заслуженному деятелю искусств БАССР Вере Сергеевне Костровицкой.

Вера Сергеевна ответила Свете. Письмо В. С. Костровицкой читайте на стр. 60.

ВОЙНА

Напали фашисты
На нашу страну
Народ наш великий
Пошел на войну.

...Великое горе —
Потеря человек,
Но мы его
Мы запоем на веки!

Женя Комаров,
3 класс, Москва

УЧИТЕЛЯ ЛЯПУСТИНЫ

(Из дневника отряда красных следопытов)

В село Кривое мы приехали поздно вечером на совхозной машине. Переночевали в школе. Утром встретились с сельским библиотекарем Григорием Петровичем Козловым. Он рассказал: «Селу Кривому уже 300 лет. В 1907 году в село приехал учитель Алексей Иванович и сразу стал организовывать школу. Про это вы лучше у Ивана Архипыча спросите, у Потапова. Он в этой школе учился. И Ляпустина знал...»

Вот что рассказад пенсионер Иван Архипович: «Богачи сопротивлялись, не хотели, чтоб бедняки грамоте учились. Три года добивался Алексей Иванович своего. В 1910 году открыл школу.

Трудное было время. У многих ни обуви, ни одежды, в школу пойти не в чем. Алексей Иванович и его жена Вера Степановна на свои деньги покупали обувь самым бедным ребятишкам... Я сам, правда, только один класс окончил, но свой учебный год на всю жизнь запомнил. Прекрасные были учителя Ляпустины! Добрые, ласковые...

Потом началась гражданская. Ляпустины помогали партизанам. Вера Степановна связанной была между партизанским отрядом и подпольной организацией большевиков в городе Камень. Да и в селе активно действовала. Помню, пришла со старшими ребятами в дом купца Архипова — зажиточный был купец, в его доме у нас библиотека сейчас... Конфискуем, мол, ваше имущество в пользу бедняков!.. Купец злобу-то и затаил. Как-то Веру Степановну в город послали с заданием — Архипов ее там കൊчкавской контрразведке и выдал... Мучали ее — только не сказала. Зверски убили. Увезли в Дурной Лог вместе с другими коммунистами, всего сорок восемь человек, — зарыли в землю. Многие живьем еще...

Алексей Иванович с Колчаком дрался, потом детей учил, после снова воевал — в Отечественную, и опять детей учил... До самого конца жизни. Школу нашу называли именем Веры Степановны Ляпустиной. А в 1966 году мы своими силами памятник поставили учителям Ляпустиным. Видели — в центре села? Напротив школы... Всегда свежие цветы лежат, ученики носят...»

Мы поблагодарили Ивана Архиповича и тоже положили цветы к подножию памятника.

По поручению отряда следопытов
школы села Зятковая Речка Алтайского края,
летописец Сергей Лозицкий

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ! МНОГИЕ ИЗ ВАС ИДУТ СЕЙЧАС ПОИСКОВЫМИ ТРОПАМИ, ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ РОДНОГО КРАЯ. ПРИСЫЛАЙТЕ В «БАРАБАН» ПОХОДНЫЕ ДНЕВНИКИ. САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ.

Обформление Г. Ковенчука

ВОЖАТИКА

Звено травяное, верхушка из
похода. Кто что принес? Зачем эти
растения нужны людям?
В какое время и где их собирать?

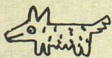

- Ты получил по математике двойку?
- И еще по русскому, папа...
- Значит, у тебя две двойки!
- Если не будешь сердиться, тогда я еще по пению получил...

- Почему ты ударил Катю?
- Пусть не обзывается.
- А как она тебя обзовала?
- Драчуном.

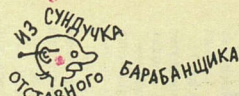
У Вовки собака, у Кольки собака. Все особачили, кроме меня...

- Я не люблю делать домашние задания с бабушкой.
- Почему?
- Потому что учительница сразу узнает ее по черк.

$$1 + 2 + 2$$

Один советский специалист вылетел в Африку, в командировку. Там он занялся отбором и закупкой племенных сельскохозяйственных животных. Однажды специалист вспомнил, что у его жены скоро день рождения. В селении, где он находился, не было почты. Что делать? Внимательные хозяева заметили, что гость огорчен, стали расспрашивать его. Узнав, в чем дело, старей-

шина деревни сказал: «Друг! Твоя работа — наша забота. Говори адрес...» Старейшина подошел к большому барабану, стоявшему на площади, и что-то длинно отгрохотал. Через минуту-две поблизости откликнулся другой барабан. Некоторое время они деловито переговаривались между собой, после чего старейшина улыбнулся и сказал: «Друг! Все будет хорошо». А вдалеке едва слышно переговаривались барабаны... Барабанный телеграф доткнулся до побережья и передал эстафету телеграфу электрическому. Поздравление поспе- ло в Москву в срок.

Эту историю рассказал оставному барабанщику писатель Вл. Арно

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОТА-КАРАКОТА

1. Это не заседание актива- совещаются три детектива! Разработай план, хитроумный и тонкий, главная идея вывешена девочкой.

2. Приметы запомнили? Не теряйте из поля зрения! Задача: поймать на месте преступления!

3. На перемене — условный сигнал: «Чёрная лестница! Ход в подвал!»

4. Чалась, Ромкз! Попрошуй стужик-кз! Фомз и Ерёма держите преступника! Жвачкой торгуете? Вот она, ВОТ! Явори по совести где каракот?

5. В самолёте — лэнч. беседуют дамы о тонкостях моды и кознях рекламы.

6. А-а-а!! Караул! Он кусачий!

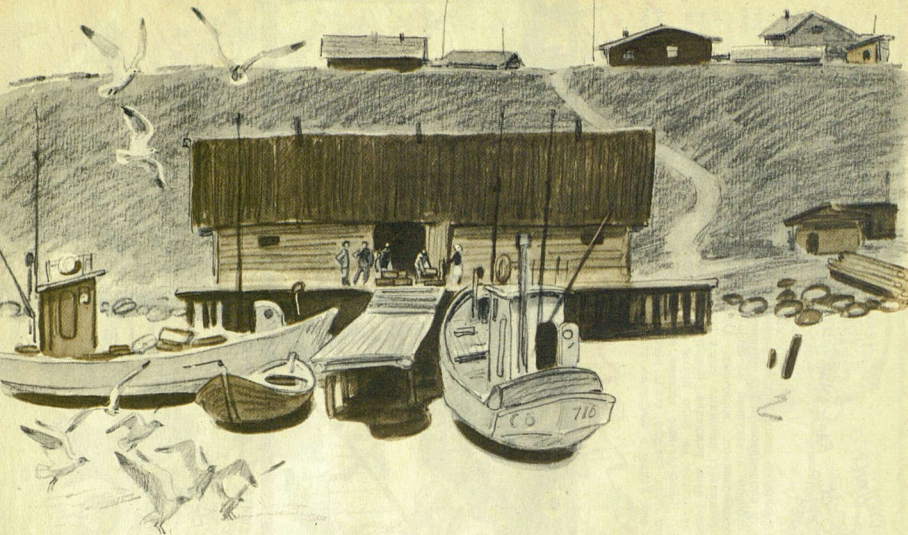
7. Разрешите сделать заявление для печати? Успел каким-то лекарством, взыат в самолёт с невызванным ковэрством. Хочу немедленно в Ленинград!

8. Разворачиваюсь! Прыгй, камарая!..

Продолжение следует

РЫБА

РАССКАЗ

Радий Погодин

Рисунки Н. Лямина

Сигнал эхолота устремлялся вниз, пронзал толщу воды, отражался от донных скал, от песчаных наносов, от предметов плавающих и затонувших. Он оповещал обо всем, что встречалось на его пути — искал рыбу. Искал между двумя пределами — дном и поверхностью моря. Искал и, как водится, находил...

Все было серым — море, небо, деревья и воздух, только трава казалась жидко-зеленой, словно не росла, не зрела, а была выплеснута из стеклянной банки, где в керосине отмокали кисти.

Женька стоял на косе. По одну сторону море, по другую — залив, большой, как Чудское озеро. И еще одна «акватория» — затон, где отставались мелкие рыбацьи суда, где на сваях горбился рыбный склад; ниж-

ние венцы склада недавно меняли, они были белыми, от чего все сооружение как бы приподнялось и, страшись, зависло над тусклой водой.

Узкий канал с мокрыми травянистыми берегами соединял затон с заливом.

Круторезный колхозный баркас шел по каналу с промысла, дизелек глухо стучал, оставляя такое чувство, что стучат и живут за стеной, а здесь все измыслено чьим-то бедным воображением.

Баркас подвалил к колченомому складскому причалу, дизелек, хохотнув, заглох. Женька побежал, боясь пропустить рыбу.

Рыбу уже сгрузили и теперь взвешивали, ставя корзины на обитую алюминием платформу амбарных весов. Рыбу всегда сравнивают с серебром, только рыба еще серебристее, кое-где с позолотой, кое-где с воронением, кое-где тонированная розовым, зеленым или сирене-

вым. Удивляло Женьку, что такая тяжелая на вид и такая холодная, она всегда оказывалась и теплее и легче.

Рыбаки сидели на ящиках. Мелкие папироски хрупко дрожали в их красных расплюснутых сетями пальцах. Возле кладовищи, которая записывала улов в книжку с копирками и, сердясь, поправляла эти копиры, подрагивал поджарый мужчина в замшевой куртке. Мужчина приехал утром на «Жигулях». В руках он держал новенькое оцинкованное ведро и все подвигался к кладовище, и улыбался, боясь, что она его не заметит.

— Видите ли, сам я не мастер рыбу ловить. Невезучий, как говорится...

— Я уже вам сказала — погода отпущу. Дайте мне с делом справиться. — Кладовища еще пуще осердилась на свою книжку с копирками.

Поджарый отошел к рыбакам, достал пачку заграничных сигарет, вытряхнул их веером на ладонь, предлагая не стесняться.

— Мужики, рыбаца нету? — В глазах его светилась бурная ненависть ко всей существующей на земле рыбе.

Рыбаки дымили своими мелкими папиросками, только один в суконной давно потерявшей цвет фуражке сказал:

— Эво. Рыбец-то когда идет? В мае.

— Готового. Вяленого. Как домой приеду — они все рыбаца просят, чтоб его черт побрал!

— Может, у кого сохранился, — сказал рыбак. — У нас нету.

Остальные молча курили. Но поднялся молодой парень, задавая окурком каблук и, не сказав ни слова, пошел к поселку. Мужчина в замше как бы надвое раскололся: одна его половина стремилась за парнем, другая цеплялась за сидевших здесь рыбаков.

— Может быть, у него есть? — спросил он жалобно.

— Может, и сохранился, — сказал рыбак в суконной фуражке.

Замшевый побежал догонять парня. Догнав, заскакал боком. Его поджарые ноги то опережали кирзовую поступь рыбака, то отставали, вырисовывая некие обещающие фигуры.

— Плевал я на всех рыбаков, чтобы так кланяться, — сказал Женька.

Кладовища подняла на него затуманенные светом глаза. Рыбаки даже не шелохнулись.

На единственной длинной улице поселка вдоль канала стояли позеленевшие от времени кирпичные дома, крытые черепицей. На краю поселка, где когда-то были небольшие каналы, а сейчас заболотилось все, темнели громады дощатых сараев, пришедших в негодность, так как подходили они для единоличной зажиточности, но для колхозного дела были малы. На другом конце, неподалеку от уходящего в море широкого пирса белели колхозные постройки

из силикатного кирпича, такие странные среди черепицы и затвердевшей плесени, но было в них что-то настойчивое, как в белом проклюнувшимся из земли ростке.

Женька туда пошел, к новым ремонтным мастерским. Перебрался через отводную канаву по небрежно брошенной доске; середина доски уже выгнила, рядом был мост, но многие жители, по всему видно, предпочитали эту дорогу.

В высокой траве тлели старые лодки. Смола с них осыпалась, в днищах зияли дыры. Одна лодка была сломана поперек, вот уж правильно говорят — скорлупа. Именно в ней, каждый в своей половине сидели двое мальчишек, один Женькиного возраста, другой маленький. Они, наверное, спорили перед приходом Женьки. В выражении лица старшего еще сохранилась непоколебимая истина, у младшего — разрушительное сомнение. Старший глянул на Женьку, подумал немного и ухмыльнулся.

— Вы на голубой «Волге» приехали?

Женька кивнул.

— Откуда будете?

— Из Ленинграда.

— Прозвище у тебя есть?

— Нет, а что?

Младший завозился в своей полулодке и побурчал:

— Прозвища только у дураков бывают.

— А ты откуда знаешь? — спросил у него старший и улыбнулся Женьке очень дружелюбно. — Маленький, а все знает — будущий академик. Меня Куницей зовут, кличка такая. Он Пафнутий.

— Старинное имя, — сказал Женька с расудительностью, приличной для первого знакомства.

— Это не имя. Потому что Пафнутий пыхтит.

Пафнутий действительно запыхтел:

— Вы не раздеретесь? Не нужно. Я не люблю, когда Куницу колотят.

— Помолчи-ка, Пафнутий. — Куница развалился в своей половине лодки, как в кресле, спросил беспечно: — Ты из Ленинграда гостинцев привез? Пафнутий конфеты шоколадные любит. И мармеладные тоже.

Пафнутий слотнул слону. Женька посмотрел на них пристально. По шершавости щек, по нечесанности, по глазам, отводимым в сторону, угадал что-то похожее на сиротство.

К тому времени, когда они уже съели батон с колбасой и, не торопясь, доедали конфеты, Женька знал, что отец мальчишек в Атлантике ловит рыбу, а мама уехала в райбольницу рожать мальчика и что деньги, которые она им оставила на пропитание, они пропотрали.

— Мы с Пафнутием пожили, — хвастал Куница. — Ух мы с ним пировали! Что хотели ели. От пуза.

— А с родителями разве не что хотели? — спросил Женька.

— Обязательно. Но не то. У родителей спрашивать надо. Когда спрашиваешь, какой пир? Мы как следует пировали, на всю катушку.

— Зато теперь с пустым брюхом, — пропыхтел Пафнутий.

— Ну и что? — Куница обхватил Пафнутия за плечи, сейчас они сидели все вместе в одной половине лодки, поцеловал его в щеку шоколадными губами. — Не помрем. Нас соседки подкармливают. Или в столовой — по вечерам там кафе «Волна»... У нас тут народ со всех мест, как соберутся в «Волне», так всяк про свое. И накормят, и про жизнь растолкуют.

— Я в «Волну» не пойду больше, — пропыхтел Пафнутий. — Чего мы там без денег, как нищие... — Пафнутий далеко высунул язык, слизывая шоколад со щеки.

— Я же тебе сказал — я знаю, как заработать. Я с рыбаками на сейнере пойду. Худобедно, они мне ведро рыбы за работу отвалят. Я ее продам. — Куница глянул на Женьку отчужденно и мимолетно. — Вы, наверно, тоже за рыбой приехали?

— В определенном смысле, — сказал Женька.

— Правильно, сейчас смысла нет. Весной, когда рыбец идет или угорь, за каждым кустом машина. Спортивный лов у нас запрещен, иначе набьется любителей, рыбакам не протиснуться будет. Они берут на измор чувств — председатель и тот рыдает.

— Возьми меня, — сказал Женька, поддавшись нахлынувшему вдруг вдохновению.

Оба брата устались на него, голубоглазые и белобрысы, у обоих верхняя губа полнее нижней, что придавало им вид удивленный и немного обиженный.

— Я тебе рыбу отдам.

Братья переглянулись, выпятили верхнюю губу еще дальше, это придавало их лицам вид возмущенный.

— Мы же тебе говорили — у нас спортивный лов запрещен. Нарвешься, будь здоров будет.

— Нет. Ты пойми, ты меня с собой на сейнер возьмешь, — наверно и мне за работу ведро рыбы дадут.

Пафнутий запыхтел с облегчением, Куница задвигался, дружелюбно шлепнул Женьку по плечу:

— Ты хоть плавать умеешь?

— Даже дельфином...

— Ты хоть сто метров проплывешь худобедно?

— Может, и километр смогу, если не торопиться.

Куница выпрямил спину, шею вытянул. Посидел так, не мешая противоборствовать чувству ответственности и желанию не быть одиноким в своей опасной затее, затем обмяк, но спросил с пристрастием:

— Как в море берег найти, когда туман?

— По ветру. Ночью ветер всегда к берегу дует.

— Когда туман, ветра нету. По мертвой волне надо... Как стемнеет, приходи на это место. Я ждать буду.

Пафнутий запыхтел неодобрительно, пожал худенькими плечами, успев при этом почесать о плечо щеку, и предостерег:

— Простудился. Теплую рубашку надень.

Раз или два в году отцом овладевало беспокойство, глаза его становились рассеянными, движения замедленными, слова невпопад.

— Накатило, — говорила мама.

— Да, да, — отвечал отец. — Пора! — Он выпрашивал отпуск за свой счет, хотя бы неделю, собирал снаряжение, подходящее к времени года, и уезжал. Но чаще всего это случалось, когда отец с мамой отдыхали на юге.

Мама рассказывала:

— Черное море! В доме отдыха кружок: «Подводная охота». Ныряя, стреляя. Не хочешь — лови рыбу удочкой с лодки. Любители ловят. Сдают на кухню, им жарят бычков. Нет, он выше бычков! Он удрал на Дунай.

Бабушка восклицала:

— Дунайская селедка — царская рыба! А что он привез с Дуная?

Дедушка констатировал:

— Рыбу, определенно... — Насладившись снисходительными взглядами жены, ухмылялся. — Интересное, понимаете, получается дело... Стал он кликать золотую рыбку. Приплыла к нему рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, старче?»

Бабушка поджимала слегка подкрашенные губы, вокруг которых, как трещинки на старом фарфоре, насклещены морщины.

— Ты на что намекаешь? Ты такой же, как и твой Игорь Николаевич. — Своего зятя бабушка называла по имени-отчеству, упорно добиваясь, чтобы он наконец это заметил. — Женьку от вас нужно оградить. Не хватает, чтобы вы его испортили.

Бабушкины опасения сбылись. Женьку испортили все же. Прошлым летом бабушка с дедушкой уехали в Кисловодск, поправлять здоровье, маму послали в командировку, отец собрал удочки, прихватил сына, и они покатили на Мурман. Сначала на поезде ехали, затем на попутном грузовике, после — морем шли, на пузатом суденышке, называемом дорой. Шум дизелька никак не мог заглушить тишины.

Когда они прибыли в Песчанку, ночь накрыла и землю, и воду низко висящим витражом, набранным из прозрачных чисто окрашенных полос. Море подступало к порогам деревьев, неподвижное, как бы остекленевшее. Спать легли в темной избе. Она шептала, нависая над спящими потолком и иконами, как согнувшаяся над постелью старуха-знахарка. Утром изба засветела, но шепот остался.

— Это песок за стеной, — объяснил отец.

Первое, что поразило Женьку, когда он выбежал на улицу, было море. Не мощью своей, не беспредельностью — Женька видел моря: Балтийское, Черное и Каспийское, — это море ушло! Оно сверкало вдали все сужающейся полосой. Женьке показалось, что оно навсегда покидает деревню, сливаясь за горизонт в глубокую впадину. Пирс, к которому они причалили ночью, шел посуху, похожий на пустую, высушенную многоножку. Потом ошалелый Женькин взгляд зацепился за что-то совсем несуразное — то были якоря. Именно — якоря. Одни лежали, другие стояли на песке торчком. От якорей змеились цепи к завалившимся набок судам. И железные белые катера с красными днищами, и деревянные доры лежали на песке. Смоленные карбасы, задрав носы, толпились возле высоких свай, укорененных сверху донизу водорослями и зеленой слизью.

Женька побежал к морю мимо ободренных днищ, и задранных палуб, и накрененных мачт, мимо этого странного шторма в безветрии. Поскользнулся в луже на чем-то живом и трепещущем — маленькая, с ладошь, белоброхая камбала взбурлила воду и прикрыла себя песком. Женька замедлил шаги. В лужах изгибались красно-желтые звезды, в ямах у свай колыхались медузы, прозрачные пузыри с пунцовой начинкой. Женька понял — отлив.

Он и завтракал с этим чудом в глазах.

Деревня — серебристые избы, крытые тесом, — поднималась вверх по песчаному белому берегу. На крутизне стояли сосны, как бы пораженные молнией. Удар — они скрючились да так и остались не вырастая.

В деревне было так чисто, что вопреки разуму начинало казаться, будто люди покинули этот берег, захватив с собой все до последней завалившей соломинки.

И тишина, как бы музейная, несовместная с жизнью.

Отец сказал:

— Оттого, что животных нет, особенно кур. Ни коров, ни овец.

— А вот же собака...

Белая с черным грудастая лайка с шерстью длинной, росисто сверкающей и как бы вздыбленной, высоко подняв голову, пробежала мимо, вкрадчивой рысью, вбежала на пирс, села там в самом конце и уставилась в море.

— Новгородская лайка, — сказал отец.

Женька вздохнул восхищенно.

И околицы в этой деревне не было. Ни заборов, ни изгородей, ни дворов для скота, только древние избы из толстых бревен, вдоль которых винтообразно ползли трещины. Сети, вывешенные на берегу полукилометровыми рядами для просушки, тоже казались серебряными, наверно, от соли. Лишние колья составлены шалашами. Запасные мачты и весла уложены на колки, вбитые в стену приземистого рыбного склада. Все открыто. И ни клочка сена, ни бумажки на белом песке.

Рыбаки у сарая сидят, молча курят папиро-

ски, крепкие и дешевые. И одежда на них крепкая, как бы и не обматая.

За деревней Женька с отцом наткнулись на рядок струганных, источенных песком столбиков. Столбики маленькие, едва дорастали до щиколотки. К одному из них была прибита жестяная звезда.

— Кладбище, — объяснил отец. — Вершинки крестов. Дюна на деревню идет.

Женька глядел долго — дюна стиснула деревню со всех сторон, набилась под ступени крылец, кое-где навалила завалин чуть не под самые окна.

— И деревню засыплет, — сказал он, жалея...

— Ни в коем случае. Эти избы, как поплавки. Жители подведут под избу новый венец или два, она и вынырнет. Если песок разгрести, избы покажутся башнями. Но древние срубы всегда наверху.

В этот же день отец уехал с рыбаками на острова. Женька остался в тихой деревне с молчаливыми хозяевами-стариками, не распрощавшись с ними, что да как, и они смотрели на него одобрительно.

Скучал ли он, собирая звезды и ловя мелкую пикшу на дергалку? Ему казалось — все же скучал. Но когда вернулся отец и они тронулись в Ленинград, Женька, глядя в темное окно поезда, видел эту вечную деревню, в которой не было шума и мелочей, отвлекающих человека от прозрачных восходов солнца, от пылающих на две трети неба закатов, от уходящего и приходящего моря, от древних изб, сохранившихся в первозданном виде.

Узнав, что в Песчанке ловится семга, бабушка сказала:

— Семга — царская рыба! Надеюсь, Игорь Николаевич привез семгу? Ах, не привез? — Маме бабушка посоветовала: — Тебе нужно дочку родить, иначе к старости останешься без понимания. Женька в отца. Ты ему станешь говорить про Фому, он тебе про Ерему...

На рейде зажглись буй. Узкие тропки бежали по спокойной воде. Мир стал похож на бутылку из темного стекла — вокруг мглы и лишь вверх, там, где горло, горит одиноко звездочка. На дне бутылки стоят Куница и Женька и такое ощущение у них, будто делаешь шаг — и ударишься лбом о холодную гладкую стену. В поселке перестреливались телевизоры, орали транзисторы и магнитофоны, комбайн «Фоника» пел в вечернем кафе по-польски. Пахло водорослями, прелой водой. Суда и лодки в затоне терлись бортами. Что-то хлюпало, что-то скрипело, вздыхало, еле-еле, едва ухом уловишь. Звуки поселка и звуки моря не смешивались, не смешивались и запахи.

«Если ветра нет, откуда на воде шевеление?» — подумал Женька. И, словно угадав его мысли, Куница сказал шепотом:

— Мертвая зыбь. Где-то приливы, отливы, где-то подводные течения. Худо-бедно вода в море всегда перемешивается, иначе бы оно прокисло.

Попрыгивнув к темноте, Женька различил на рейде рефрижератор, самоходную баржу — танкер; суда небольшие, малой осадки, для прибрежного пользования. Темная бутылка как бы лопнула, открыла для глаз и для ощущений и рейд, и поселок, и весь неусыпный мир.

«Отец ушел в залив, я — в море», — подумал Женька.

Куница сказал:

— Раздевайся. Одежду на голову привяжи. С берега не пойдем, пограничники прожектором схватят.

Гася свет буюв и еле приметные блики, невеста откуда упавшие на воду, налетел белый луч, впился в бока перевернутых лодок, от них словно пар пошел. Луч дальше тронулся, вскипятил море. Как бульющие пузыри, лопались на воде очертания катеров, шаланд и баркасов, повисли в светящейся пелене совхозные сейнеры.

— Под пирсом пойдем и поплывем сначала под пирсом, а как пирс кончится — по открытой воде. Ближе всех «Двадцатка» стоит — у кормы ялик. По-собачьи, чтобы без всплесков. — Куница уже разделся, Женьку ждал. — Ну, — сказал он, — Пора.

Они пошли вдоль пирса и, пройдя несколько шагов, забрались под настил, где пахло дегтем и тухлой рыбой. Дно понижалось быстро. Через несколько шагов пришлось плыть. Женька тут же стукнулся лбом в сваю, пирс загудел — ему показалось, — а сам он пошел ко дну. Ему стало страшно, потом смешно, он поправил одежду, закрепленную на голове, пригнулся и как бы осознал окружающее его пространство; вода даже под пирсом, в тени, слабо светилась, настаивалась до синего, то коричневым цветом, сваи же были плотными и черными, они четко вздымались и несли на себе тоже черный настил, в щелях светлело небо. Женька неторопливо поплыл за Куницей, не суетясь, и от этого приобретая свободу движений. Он видел, где кончается пирс, — там пространство резко светлело. Подплыв к Кунице и уцепившись за сваю, Женька разглядел две пары ног, свисающих над водой. Куница прижал палец к губам.

— Дед, — послышался сверху молодой голос. — Ты испанок выдал? — в вопросе слышалась грустная усмешка.

— А где мне их видеть — в нашем лесу они не водятся.

— Что же ты за весь свой возраст нигде не бывал?

— Где же рыбаку бывать — небось, где рыба. С Ильмена на Камчатку пошел, во Владивостоке работал, в Мурманске, в Астрахани, на море Аральском, потом снова на Ильмене, теперь здесь. В отпуск ездил, как водится — на курорт. А испанки... нет, не встречались. Думаю, бабы как бабы.

— Циник ты, дед, — ответил молодой голос. — Женщин нельзя бабами называть. Ты что, и по телевизору испанок не видел?

— В телевизоре, смекая, все брютетки.

Молодой вздохнул.

— Заработая, цветной телевизор куплю или в Калининград мотнусь, устройсю на фрахт, весь мир повидаю.

— Лучше за рыбой иди, в тунцеловы.

— Тунец разве рыба? Это же чемадан, нестерраемый сейф. Я рыбу люблю красноперую, с пушистым хвостом... Ленточка есть такая, с бантиком, на шляпе. Вот, чтобы талию у моей рыбки можно той ленточкой опоясать.

— Русалка тебе нужна, зять...

Куница прыснул, зажав рот ладошкой. Голова на минутку смолкла, затем дед сказал:

— Никак ты всерьез русалку накликал. Вроде хихикнуло...

— Если бы... Дед, дед, всякое чудо кончается простым конфузом: бутылка пустая по морю плавала и утонула, булькнув нам на прощание... Капитан придет, скажи — ждал его Коля и ушел на корабль.

— Подождал бы еще. Мне же его придется переправлять.

— Переправишь, тебе все равно делать нечего.

Коля спустился по деревянной лестнице, отвязал ялик, оттолкнулся от сваи веслом; ялик пошел, прорыв на воде борозду, в темноте борозда казалась глубокой, а ялик тяжелым. Женьке в нос ударили волны. Блики пошли плясать. Женька замерз и не сразу почувствовал, что Куница толкает его в плечо и кивает — поплыли.

Эхолот щелкал и щелкал. Неожутимо, как взгляд, обращенный внутрь души, к картинам памяти, где вечно плывет золотая рыба, устремлялись эхоловны, искали в глубинах и близко к поверхности.

Старик Полувакин, сторож, сидел на краю пирса, свесив ноги в стоптанных кирзовых сапогах. Ревматизм сверлил кости ног неторопливо и тупо. Боль поднималась от щиколотки, опускалась от колена и, сталкиваясь посреди голени, разогревала ее. Старик хотелос скинуть обувь, чтобы ветер остудил боль, привычную и надоевшую; старухи рыбацки тоскиво шутили, — мол, у зажившихся на свете рыбаков на ногах вырастают клешни; давно это было, когда он вытирал нос подолом холщовой коротенькой рубашонки, он тогда все на свои ноги глядел и боялся, что обезобразятся они, такие ровненькие и бегучие.

Старик смотрел в темное море. Под ударами прожектора оно как бы оледенело, преобразуя свое тепло в белый холодный блеск и сверканье.

Думал старик о русалках, о водяных девах. Ведь когда-то возникло такое мнение. А русалок он видел однажды. На Крайнем Севере.

Промышляли рыбу в тундровых озерах. Опускали невод в одну прорубь, вытаскивали в другую, на другом краю озера. Тянули лошаадьми. И на лошадах отправляли в поселок за тридцать верст. Пока рыбу грузили в розвальни, она замерзала и звякала, ударяясь друг о друга. Сиги в основном. Тогда он молодой был, и солнце на севере было яркое — апрель. Он с обозом пошел, один на двое са-ней.

Шли в невысоких скалах, по речке. Тогда он и увидал русалок. Они стояли на хвостах хоро-вodom. В блеске и переливах.

Ах, что тогда солнце делало! Обледенные валуны сверкали, как бриллианты в царской короне. А на снегу — радуги. А в радугах шесть русалок стоят на хвостах и тоже сверка-ют, жемчугами увитые.

Старик вспомнил, как перекрестился он, за-бормотал: «Свят, свят...» — край глухой, без-

людный. Все же подошел к ним и обомлел. То была рыба! Шесть крупных нельмин стояли на хвостах, заледеневшие, смотрели в небо большими глазами. А вокруг никого, только круглая прорубь, уже затянутая зеленым льдом. Он хотел вырубить нельмам хвосты, погрузить рыбу на развални. Но не сделал этого. И радовался тому, что не сделал. Наверное, местные люди поставили рыбу свечками, чтобы легче потом найти, когда придет за ней на оленях.

Но какое-то короткое время были русалки. Были от солнца, от горячей молодой крови. Раз были, так, значит, и есть.

И снова засмеялся старик, глядя в темное море.

Когда мальчишки подплыли к сейнеру, ялик уже был привязан к корме.

— Сколько он нас в воде продержал, худобно. Зуб на зуб не попадает. Смотри не чихай... — Взобравшись в ялик, Куница поднял его за веревку к сейнеру, по этой же веревке взобрался на борт, перевесившись оттуда, помог взобраться Женьке.

Они пробежали к надстройке и притаились. На соседнем судне играла музыка. Куница нащупал какую-то дверь, приоткрыл ее, звякнув ручкой.

— Камбуз. Согреемся малость. Труссы отожмем.

В камбузе было тепло. Пахло жареной рыбой. Они отжали трусы, растерли тело майками, но лишь после того, как надели фланелевые рубашки, брюки и кеды, Женька почувствовал, что шея его расслабилась, зубы перестали стучать.

Так же тихо они вылезли из камбуза и полезли по железному трапу вверх, на спардек.

— Давай под брезент, — Куница приподнял край сложенного на спардеке брезента. Укрылись брезентом со всей осторожностью, но он все-таки шлепнул углом о металлический пол, тихо, как по воде ладошкой.

— Звуки какие-то посторонние, — сказали внизу, — слышишь, то брякнет, то шлепнет...

— Это русалки. Они сегодня меня преследуют, больно я парень красивый. Я тебе, Захар, доложу — талия у них, как песня.

Женька прижался к Кунице, ощущая, как бьется Куницыно сердце; он старался не дышать и, пригравшись, задремал, наверное. Очнувшись от шума, от буханья тяжелой обуви. Внизу говорили:

— Самолет передал — на банке косяк салаки стоит, тонн тридцать...

— Мореходы, как наше дело? Салака хороша маринованная.

Задремав снова, Женька пропустил момент, когда сейнер снялся с якоря и не вдруг почувствовал, как металл передает от двигателя ритмичное содрогание, как кренится надстройка, услышав шипение воды под форштевнем, и,

словно боясь упасть с высоты, он обхватил Куницу и крепко к нему прижался. Все заскользило неудержимо и ушло в темноту.

Проснулся Женька от необычайного света, бьющего сквозь веки, открыл глаза и, ослепленный, зажмурился. Над ним гремел неестественно громкий голос:

— Здорово, русалки!

Женька заслонил глаза ладонью, приоткрыл их и понял — прожектор.

— Как на судно проникли?!

— Не кричи в мегафон, мы тебе что, глухие? — ответил Куница.

— Куница! В морские волки подался? А это кто с тобой?

— Товарищ. Из Ленинграда.

— Ясно! Сыпьте к капитану. — Голос ослаб, став нормальным человеческим голосом. Женька узнал любителя красноперой рыбы и увидел его, — он оказался высоким плечистым парнем, от него резко пахло машиной.

— Не робей, это механик Коля, — сказал Куница. — Шумный он. Его Бухолем иногда называют.

— Я вот тебе побухаю! Сказал — сыпьте к капитану! Захар, выключай прожектор.

Выше, на мостике, раздался смех, и прожектор погас. Глаза заломило от темноты, ни звезд, ни тей, только разноцветные вертящиеся круги. Механик Коля уже кричал внизу:

— Капитан, на спардеке две темные личности, я соображаю, они в Швецию собираются. Как ты лезешь? Переворачивайся! — это уже относилось к Женьке. Обалдев от яркого света, от мегафонного голоса и темноты, Женька спускался по трапу вниз головой.

В рубке было тепло и очень светло.

Капитан посмотрел на ребят пристально.

— Вот какие русалки. А если я вас доставлю на погранзаставу? Там разберутся, пожалуй, что к чему и каким образом...

— Не доставите. Вы, товарищ Малыгин, сейчас за рыбой бегите, а на заставу вон какой крюк — рыба дожидаться не будет.

В рубке был еще один человек, его называли старпомом. Он засмеялся.

Куница разулыбался тоже, как бы успокаивая капитана, добавил:

— Мы же не на экскурсию, мы же работать. Две пары рук пригодятся.

Капитан пощупал Женькины плечи. Женька ойкнул — после такого осмотра не то что рукой, пальцем не шевельнешь.

— Коля, покажись им, пусть узнают на будущее.

Механик Коля скинул куртку, выпятил грудь, упер кулаки в пояс, подал локти вперед. Под грудью у него возникла будто пещера. После этих маневров сделался он похожим на литую

бетонную статую, раскрашенную для моряцко-го утверждения в синюю и белую полосы.

— Капитан, спустим их на лине за борт, пусть носами свистят, рыбу приманивают. — Механик усеялся на штурманский стол, застеленный пошубком. — Если подучать — пусть привыкнут к морю, может, капитанами вырастут или, как я, механиками.

Капитан стал в дверях, что-то долго глядя в темное море, невнимое в рубке из-за яркого электричества, но ошутимо присутствующее.

Над столом, где сидел Коля, похожая на столовое меню, висела инструкция в рамке. Женя прочитал про себя:

«КАПИТАН:

1. Пожарная тревога: общее руководство — находится на мостике.

2. Водная тревога: общее руководство — находится на мостике.

3. Шлюпочная тревога: командует шлюпкой, последним покидает судно.

«Про нас в инструкции ничего нет, — подумал Женя. — Мы не тревога».

Капитан Малыгин с кистистой головой, выпуклым лбом, приподнятыми плечами, тоже кистистыми и как бы распахнутыми, напомнил Женке тех рыбаков из Песчанки: в глазах покойная твердость, одежда крепкая, словно и не обмывал.

— Старпом, — сказал он, — поди Захара смени, парень на вахте стоял и сейчас за рулем. Как маяк из-за мыска мигнет, повернешь прямо на зюйд. Скоро в квадрат придет.

Старпом ушел, подмигнув ребятам. Механик Коля поправил на голове новенькую фуражку.

— Ход у нас, товарищи, будущи морские, первое дело, Вот, к примеру, на это сейнере. Называется он СНС — средний черноморский сейнер, модифицированный для условий Балтики, машина триста лошадиных сил. На других сейнерах сто пятьдесят. Кто первый к рыбе успеет? Опыт же — мы. Капитан у нас с дипломом дальнего плавания, в Сингапуре бывал. Бригадир самый лучший трампастер на побережье. Механик почти Кудинин. — Он ткнул себя в грудь. — Три раза в высшую мореходку поступал — не принимал. Говорят: «Коля, ты больше нас знаешь». Так что гордость имейте, не позорьте нас прекрасный передовой корабль. Пошубок видите? Это мне premia от капитана.

— Если я твой пошубок едо на столе увижу — выброшу в море, — сказал капитан. — Куница, что от матери слышно?

Куница шагнула вперед, словно капитан Малыгин подтянул его к себе взглядом.

— А что же еще — у нас только рыбаки нарождаются. Гошкой хотим назваться.

В рубку вошел рулевой. Остановился в дверях.

— Захар, отведи пазанов в кубрик, нечего им в рубке толкаться.

Продолжение следует

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1. Знаем способы лова рыбы: ставными сетями; на свет — рыбоснастями; ярусами; донными травами. Жители экспедиционного судна «Аидон».

2. На девятнадцатый век приходится самое большое число русских кругосветных плаваний — 491. Каждое можно назвать знаменитым. Из путешественников, морских и ученых назовем Отто Коцебу, участника трех кругосветных плаваний: в 1803, 1818 и 1823 годах. Житель теплохода «Чайка-б».

Одни из отрядов клуба юных моряков школы № 18 г. Новосибирска — экипажи корабля «Надежда-3». Ребята пишут: «Наш клуб существует шестой год. Начальник клуба — учительница Татьяна Тимофеевна Бардина. Морские дела — сама собой, а еще мы организовали ансамбль песни и пляски и выступаем в подшефных сельских школах».

... НАК ВДРУГ

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Румпель. — Не повар ли там!

Приближающееся неизвестное судно окуталось клубом дыма. Над морем прогремел гром. Что-то блестящее, серебристое, острое, словно игла, оставаясь острый хвост, взлетело с палубы судна.

— Вот так так, — сказал Быстроходов. — Военный корабль! Мы попали в район учений какого-то военного флота. Сделайте мне бинокль, Робинзон.

— Не может быть! — возразил Румпель. — Зрение у меня хорошее, и без бинокля вижу: большой белый теплоход.

— Да, — согласился Быстроходов, — это судно, а не корабль... Скорее всего, — научно-исследовательское...

— О чем вы говорите! — понтересовался Робинзон. — Судно, корабль... Разве это не одно и то же? Тогда что же такое — наша шхуна?

Впрочем, ответить ему никто не успел, потому что нужно было поспешить на другой галс, и Румпель послеслужил к парусам, а Быстроходов, к оному, и рулевому — подать команду для поворота шхуны.

ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

1. Почему корабль называют кораблем, а судно — судном?

2. Мож ли мирный теплоход, выстрелив ракетой, а если мог, то для чего? И что это за ракета?

3. Какие советские научно-исследовательские суда вы знаете?

ПОЧТА ЭКСПЕДИЦИИ

ПО СИГНАЛУ «СОС!»

Всем участникам экспедиции! В школьной библиотеке села Разановка нет ни одной книги по морскому делу. Капитан корабля «Буденный» (№ 460) Валерий Ключко, не имея самых необходимых книг для пропалки курсов и правильных ответов, — терпит бедствие в открытом море...

Штаб экспедиции предлагает: срочно помочь Валере. Каждому экипажу послать Валере из имеющихся в судовых библиотеках экипажей морских книг — по одной книге. Координаты торающего бедствия: корабля «Буденный»: 459090, Кустанская обл., Разановка, Разановская сельская библиотека, Валерию Ключко и всем разановским ребятам.

Названия высланных книг сообщить в ежедневных рапортах в штаб экспедиции.

ИНФОРМАЦИЯ

За успехи в «Экспедиции» вокруг света, штаб решил предварительно поощрить лучшие экипажи.

1. За содержательные и интересные ответы — экипаж «Доблесть, дусяского флота: экипаж «Доблесть» (капитан Миша Попов, г. Кус Челябинской обл.), экипаж «Шеняга» (капитан Коля Шехунов, Новокузнецк).

2. За лучшие иллюстрации к рапортам — «Дипломом пингвина и набором красок и кисточек: экипаж бригадинты «Алые паруса» (капитан Слава Резник, Мелитополь), экипаж «Тайкс» (капитан Жень Денисов, поселок Эльбан Хабаровского края), экипаж «Северяки-3» (капитан Рене Арджитов, Фрунзе).

Оформление А. Курушина

Николай Урванцев—студент.
1912 год

ЗОЛОТАЯ СВИРЕЛЬ ПРОФЕССОРА ОБРУЧЕВА

В 1911 году знаменитый геолог и путешественник профессор Владимир Афанасьев

визит Обручев (тот самый, который потом написал о загадочной «Земле Санникова», «Плутонии» и аналогичные другие научно-фантастические книжки) прочитал в Томском технологическом институте публичную лекцию о своей экспедиции в горную страну Джунгарии.

На лекцию пришел и Коля Урванцев — студент механического факультета, человек основательный, которому с детства прочили судьбу инженера-механика, изобретателя (из самых обычных подручных средств он мог собрать, склеить, сконструировать такое, на что другому понадобилось бы несколько месяцев на размышление и три полные коробки «Детского конструктора»).

Коля Урванцев пришел просто поглядеть на профессора. Он сидел в четвертом ряду, заготовив для рассматривания

самые сильные свои очки (Коля Урванцев, увы, был близоруком).

И вот Обручев взошел на кафедру. С большим удовольствием произнес слово «Джунгария», и Урванцев отчетливо понял, что сейчас с ним произойдет то, что уже однажды произошло с детьми из немецкого городка Гаммелна, когда в этот город явился неизвестно откуда флейтист и игрой на свой волшебной дудке увлек за собой всех детей неизвестно куда.

Действительно, Обручев был отличным рассказчиком — мог увлечь кого угодно и заставить поверить в вещь, казалось бы, совершенно невероятную.

И когда профессор закончил лекцию, он совсем не предполагал, что в четвертом ряду сидит заигнотизированный им Коля Урванцев и что с этого дня механический фа-

культет лишается одного своего студента, зато геологический приборствует его.

ДЖЕК ЛОНДОНЕНОК

То дал это произреще Коле Урванцеву — сейчас, спустя шестьдесят лет, высинить трудно.

Весной будущие геологи уезжали на практику. И каждый руководитель старался заполнить в свою группу студентов наиболее прилежных и наиболее толковых — в том смысле, чтобы они были хорошиими товарищами, людьми вполне самостоятельными, умели думать, не раскидали бы от тягот и неудач.

Джек Лондоненок отвечал всем профессорским идеалам. После первой практики Урванцева начинали звать в самые разные геологические партии. Начальники партий клятвенно заверяют, что имен-

но они сделают замечательные геологические открытия. Руководителей не слушало, что Коля Урванцев брал три пары очков — третью на тот случай, если первые две разобьются.

Его сманил профессор Михаил Антонович Усов, который никаких особых открытий не обещал, сказал просто, что его экспедиция будет наиболее трудной. И оказался прав. Несколько сезонов Коля Урванцев лазал по горам Хакасии и Кузнецкого Алатау — искал и изучал уголь, железную и медную руду.

Но вечерами, в свободные минуты, он доставал из рюкзака потертую карту и изучал совсем не Хакасию и не Кузнецкий Алатау, а Арктический Север, окрашенный на карте в белый цвет. Окрашенный так совсем не потому, что был покрыт снегом, а потому, что был мало изучен.

В то время большинство экспедиций, которые предпринимались на Крайний Север, оканчивались неудачами. Достаточно вспомнить экспедиции Георгия Седова, Владимира Русанова, Эдуарда Толля — ни Седов, ни Русанов, ни Толль из своих экспедиций не вернулись...

В ДОЛИНЕ НОРИЛКИ

В 1918 году Советское правительство решило начать освоение Северного морского пути.

Молодое государство не устраивало белые пятна на географической карте. В начале 1919 года Николая Николаевича Урванцева пригласили в Сибирский Геологический комитет. Урванцев уже знал: в разные концы с разными заданиями — искать уголь, нефть, руду — отправляются геологические экспе-

Яков
Длауголенский
Рисунки
В. Топкова

О человеке, который

закрашивал белые пятна

С женой Елизаветой Ивановой
на месте будущего Норильска.
Май, 1923 год

диции. И только на Таймыр ехать желающих не находится.

— Никто не хочет? — удивился профессор Усов. — Пошлите туда Джека Лондоненка. Он найдет!

— Геолком поручает вам, — торжественно сказали Урванцеву, — найти на Таймыре промышленные месторождения каменного угля. Геолком надеется, что с этой задачей вы успешно справитесь.

Пять человек во главе с Урванцевым (на большую партию средств не хватило) отправились в дорогу. Почти два месяца, меняя железнодорожный вагон на речной катер, катер на собачью упряжку, собак на оленей, добирались они до места.

Наконец, прибыли на Енисей.

Пройдены первые 270 километров по берегам Енисея — никаких намеков на уголь.

Облазили берега соседнего Ергалаха — и там пустые пороги.

Тогда Урванцев решает дви-

нуться в долину реки Норильки.

Полуголодные, плохо одетые, пятеро отправляются в путь. Пройдено еще 200 километров.

И вот здесь, в пятнадцати километрах от долины реки, в унылом комарином месте, среди болот и чахлой тундры, был обнаружен, наконец, каменный уголь.

Но сначала надо было разведать, подсчитать его запасы, а уж потом докладывать: уголь на Таймыре есть.

Вряд ли можно было справиться. И на следующий год с Урванцевым приехали пятнадцать человек. На всю группу десять пар сапог и ни одного полушубка. Основные инструменты — лопаты.

Первую разведывательную штольню закладывали вручную. Крепезный лес на высокую гору таскали на себе.

Николай Урванцев наткнулся на остатки старинной медеплавильной печи. Еще дальше нашел заброшенную штольню.

Эта находка не давала Урванцеву покоя. Значит, где-то должны залегать коренные руды? Но где? Где?

Теперь одновременно с разведкой и подсчетом запасов каменного угля Урванцев искал медную руду.

Искал почти год.

И руда была найдена.

Когда сделали предварительный химический анализ, оказалось, в медной руде содержится высокий процент никеля!

Для полного и всестороннего анализа Урванцев отправил образцы в Петроград.

С запасами угля все оказалось в порядке: месторождение крупное, хватит для промышленной разработки на многие десятки лет.

Вот что записал в те дни Урванцев в своем дневнике:

«Несомненно, в долине Норильки со временем будет построен город с рудниками и шахтами, фабриками и заводами. Будет проложена железная дорога. Город станет тем центром, вокруг которого будут возникать все новые по-

селки и предприятия. И тогда спадет проклятие заброшенности с этого края вечной мерзлоты...»

Одновременно с первой шахтой экспедицией Урванцева был построен первый в этих местах дом.

С этой первой шахты и с этого первого домика (который сохранился и тщательно оберегается) начался нынешний город Норильск и Норильский горнометаллургический комбинат.

ПОЧТА АМУНДСЕНА

Поскольку с углем и медной рудой было ясно, из села Дудинское (это потом село стало крупным портом Дудинка) надо было к месторождению прокладывать железную дорогу. Это более ста километров по болотам и вечной мерзлоте. И где взять силы, время и средства?

Урванцев предлагает провести узкоколейку от месторождения до реки Норильки. Это в пять раз короче. Значит, дешевле и быстрее. Далее перевезти уголь речным путем: по Норилке и Пясине до Карского моря.

Но судоходны ли реки? Никто не знал. Урванцев решает сам выяснить это.

К тому же Урванцеву не давала покоя судьба исчезнувшей почты Амундсена.

Амундсен, зимовавший на шхуне «Мод» у мыса Челюскин, поручил двум матросам, Тессему и Кнудсену, доставить почту и научные дневники в Норвегию. Матросам надо было пройти тяжелый тысячекilометровый путь вдоль побережья Таймыра до села Дудинское. Ни Тессему, ни Кнудсен в Норвегию не прибыли. Были организованы поиски. Известному охотнику-промысловнику Никифору Бегичеву удалось останки одного из матросов найти. Второго же и почта исчезли...

Сначала Урванцев предполагал плыть вчетвером. В последний момент неожиданно присоединился к участникам экспедиции пятый — сам Ники-

фор Бегичев, тот самый, который в бухте Глубокой нашел останки норвежского матроса, тот, который много лет назад вместе с Э. Толлем участвовал в поисках таинственной Земли Санникова, открыл в Хатангском заливе остров, названный впоследствии островом Бегичева, вывез на оленях запертую во льдах экспедицию Вилькицкого.

Четверо занимались топографической съемкой и зарисовками берега, замерами глубин.

И все время Бегичеву и Урванцеву не давала покоя мысль: где-то в этих безлюдных краях исчез второй спутник Амундсена.

Наконец, пройдены Норилки и Пясины. Вот и Карское море — неприветливое и студёное. Пятеро решают плыть к острову Диксон, пересечь на паромод и вернуться в Дудинку.

Урванцев, который изучал проплывающий берег в бинокль, вдруг заметил какие-то белые пятна...

— Гребите к берегу! — быстро сказал он.

Бегичев, который сидел на руле, невозмутимо попыхивая трубочкой-носогрейкой, встретился:

— Что там?

— Или кварц, — сказал Урванцев, — или...

Они подошли к берегу. Урванцев поднял один из листочков. Это были бумаги почты Амундсена. Неподалеку были найдены два пакета, зашитые в непромокаемый материал и чудом пощажённые песцами и медведями. Вместе с пакетами лежало несколько визитных карточек Амундсена. Вот что на них было написано: «Милостивый государь, не откажите во всевозможном содействии г-ну П. Л. Тессему при отправлении телеграмм и дальнейшего продолжения пути с почтой в Норвегию».

Целый день Урванцев, Бегичев и их спутники искали следы исчезнувшего Тессема, но ничего больше не нашли.

Прибыв на Диксон, Урванцев засел за составление карт

Норилки и Пясины, а также доброго куса Таймыра, который они попутно исследовали, а Бегичев с остальными участниками экспедиции отправился на охоту.

И примерно в двух километрах от жилья неожиданно они нашли труп Тессема.

Вещи, которые были найдены при Тессеме, а также дневники экспедиции и письма были отправлены через Министерство Иностранных Дел в Норвегию.

Вскоре Бегичеву и Урванцеву пришла в Москву посылка.

Норвежское правительство благодарило русских полярных исследователей и просило каждого принять в дар золотые часы. На крышке часов было выгравировано: «Господину Урванцеву Н. Н. от правительства Королевства Норвегии» и «Господину Бегичеву Н. А. от правительства Королевства Норвегии».

Послесловие первое. За открытие Норильского месторождения и за исследование рек Норилки и Пясины Рус-

На Северной Земле.
1931 год

ское географическое общество наградило Николая Николаевича Урванцева Золотой медалью имени Пржевальского.

Послесловие второе. «Из Петрограда. Норильская руда, направленная вами для анализа, содержит помимо никеля высокий процент платины. В руде установлено также присутствие кобальта, золота, серебра и других элементов. Геолком».

Послесловие третье. Никифора Бегичева уговаривали

принять участие в предстоящей полярной экспедиции, но старый охотник вернулся на полюбившуюся ему Пясино, организовал охотничью артель, но вскоре погиб от цинги.

ХАНТАЙКА

Начиналось строительство рудничного поселка.

Для взрывных работ из Дудинки нужно было доставить взрывчатку. Прослышав об опасных свойствах динамита (на морозе от тряски он может взорваться), каюры — погонщики оленей — наотрез отказались в этом предприятии участвовать. Урванцев сам погрузил на карту взрывчатку и тронулся в неблизкий путь. Он ехал на почтительном расстоянии от всего каравана.

Снегу было мало, нарти трясло и подкидывало на всех кочках и ухабах, а один раз они даже завалились набок.

— Ну, все! Взорвался очкастый! — сочувственно и сокрушенно говорили каюры, ехавшие во главе каравана.

Урванцев полежал, ожидая взрыва, но груз почему-то не взорвался.

Весной Урванцев начал готовиться к новой экспедиции — по реке Хантайке. На карте она была отмечена пунктиром, то есть о ее существовании знали, но никто никогда на ней не был. Даже пастухи-оленьеводы.

Послесловие четвертое. По центральному Таймыру на будущий год было пройдено на лошадах, на оленях, на моторной лодке, пешком около десяти тысяч километров — расстояние большее, чем от Мо-

сквы до Владивостока. Были открыты новые месторождения угля, нефти, полиметаллических руд, исследованы, названы, нанесены на карту многие реки, горы, озера. С географических карт исчезло белое пятно, размером с Англию и Грецию вместе взятые.

ДВА ГОДА НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Одиннадцать лет отдано Таймыру. Казалось бы, можно забыть на время об оленьих упряжках и посидеть немного дома. Но сидеть дома было не в характере Урванцева. Ранней весной 1930 года, вернувшись с Таймыра в Ленинград, он начал готовиться к новой экспедиции — на Северную Землю.

О земле к северу от Таймыра знали еще русские землепроходцы в начале XVII века. Однако, чтобы увидеть воочию эту землю, понадобилось четыреста лет!

Достичь ее пытались многие: Челюскин (1742 год), Миддендорф (1842 год), швед Норденшельд (1878 год), датчанин Ховгард (1882 год), норвежец Нансен (1893 год), Толль (1901 год)...

Честь открытия Северной Земли принадлежит экспедиции Б. Вилькицкого, участники которой в 1913 году не только увидели Землю, но и высадились на нее, подняв государственный флаг и объявив Землю территорией Российской империи.

Но по-прежнему, как и четыреста лет назад, оставалась она за семью замками: ни размеры ее, ни очертания не были известны. Последняя, неведомая земля во всей Арктике.

И вот, Урванцева вызвали в Москву. Единственное, что пока было известно ему о предстоящей экспедиции, это имя второго ее участника — Г. А. Ушакова, который до этого три года зимовал на острове Врангеля.

Когда Урванцев вошел в вагон поезда Ленинград—Москва, в купе уже сидел один пассажир — невысокий коренастый мужчина. Как водится, дорожные попутчики быстро разговорились.

— Последние одиннадцать лет я в основном провел на Таймыре, — сказал Урванцев.

— А я последние три зимовки — на острове Врангеля. Тут они удивленно воззрились друг на друга.

— Так вы — Урванцев?!

— Так вы — Ушаков?!

Экспедиция Урванцева — Ушакова, которой предстояло два года работать на Северной Земле, состояла из четырех человек.

Радиэт В. В. Ходов обязан был поддерживать бесперебойную связь с материком и передавать на материк метеосводки.

Охотник — промышленник С. П. Журавлев — обеспечивать зимовщиков и ездовых собак медвежьим мясом.

Начальнику экспедиции Г. А. Ушакову и научному руководителю Н. Н. Урванцеву предстояло сделать все остальное. «Все остальное» заключалось в том, чтобы составить первую карту Северной Земли. А для этого нужно было: объехать на собачьих упряжках Северную Землю кругом, если же Земля — архипелаг, то и каждый остров в отдельности. Кроме того, изучить животный и растительный мир (если там что-то живет и растет, в чем поначалу участники экспедиции сомневались). Провести геологические изыскания. Выяснить, как ведут себя на Северной Земле ледники (в том, что они там есть — никто не сомневался). Составить климатическую карту. Узнать все про приливы и отливы. На Урванцева, кроме того, возлагались обязанности врача.

Работа полярников не прекращалась ни на минуту, и когда ветер или пурга не давали выйти из домика, к метеоприборам, обвязавшись веревкой, подползали по-пластунски.

Иногда в маршруте приходилось сутками просиживать в занесенной снегом палатке, а потом откапываться самим и откапывать из-под снега собак.

Хотя ездовые собаки служили людям верой и правдой, не всегда и не везде они могли осилить дорогу, и тогда Ушаков и Урванцев, встав на лыжи, прокладывали собакам дорогу.

Однажды, работая на леднике, Урванцев сорвался, упал с многометровой высоты и только по счастливой случайности остался жив, отделавшись легкими царапинами.

Иногда приходилось брести по груди в воде, чувствуя под ногами раскисший лед. Верные ездовые собаки плыли рядом.

Кстати, за все два года никто не простужался и не болел.

Собаки выживали из сил, и утром их приходилось на руках подтаскивать к упряжке. Сами путешественники старались тщательно скрыть усталость: ездовые собаки чутко реагируют на настроение людей.

А когда и тем и другим приходилось особенно худо, Урванцев осыпшим голосом запевал всегда одну и ту же песню: «Никто пути пройденного от нас не отберет...» — и, самое удивительное, песня бодрила не только людей, но и собак.

Примерно в таких условиях было пройдено пять тысяч километров. Была составлена точная карта Северной Земли. Выяснено, что это не один большой остров, а группа островов. Даны названия всем открытым островам, проливам, фиордам, мысам, рекам, ледникам, бухтам, заливам.

Послесловие пятое. Несколько высказываний о северо-земельской экспедиции:

«Перед наукой предстал целый новый мир: обширная островная страна, площадью 37

тысяч квадратных километров. Открытие и изучение Северной Земли — яркая страница в истории географических исследований».

«По трудности выполнения эта экспедиция может быть поставлена в один ряд с наиболее прославленными полярными экспедициями Амундсена, Пири, Стефансона. По существу, это была последняя экспедиция эпохи великих полярных открытий».

Послесловие шестое. За выдающийся научный подвиг Н. Н. Урванцев был награжден орденом Ленина. Ему была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Американские ученые избрали его действительным членом Американского географического общества.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, НО НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Сейчас Николаю Николаевичу Урванцеву 81 год. Он — профессор Всесоюзного научно-исследовательского института геологии Арктики. То, что все его знают и любят — говорить не приходится. Вот только один факт.

Десять лет назад, когда профессору шел уже восьмой десяток, вертолет, на котором он летел консультировать молодых геологов, сделал вынужденную посадку. Семидесятилетний профессор вскинул на плечи рюкзак и пешком пошел по дремучей тайге к лагерю геологов. Пришел, а те перекочевали на другое место. Вдохнул Николай Николаевич, прошел по тайге еще добрые полсотни километров и все же догнал партию.

А теперь скажите: могут ли молодые геологи не любить такого своего профессора?

Послесловие седьмое. В день своего семидесятилетия Н. Н. Урванцев был награжден вторым орденом Ленина, а Геологическое общество СССР присудило старейшему полярному исследователю высшую свою награду — Большую Золотую Медаль.

МАШИНО ЛЕТО

РАССКАЗ

П. Васильев
Рисунки В. Куриянова

Бабушкин дом стоял на вершине холма. Дальше холм круто обрывался, и дом стоял, будто на трамплине. Прямо под обрывом синело озеро. Берега его были изрезаны бухтами, и все оно густо закидано мелкими островами, — Ух ты! — восхищенно воскликнула Маша осматриваясь. — Вот это обзор! Будто с самолета!

Оставив дверь приоткрытой, вслед за бабушкой Маша прошла в избу. Здесь было прохладно и свежо, будто только что вымыли полы. И почти так же светло, как и на улице. На полу расстелены пестрые половики, на подоконниках в глиняных горшках стояли цветы, а на стенке между окон в одной большой раме висело много-много фотографий. Были и новые, и совсем старые, выцветшие и пожелтевшие. Маша сразу же узнала на них папу и маму, а потом нашла и себя, совсем маленькую, еще в пеленочках.

Бабушка уже грелела возле печи чугуники. — Ну вот, сейчас пойдешь и ступай себе на все четыре стороны, — сказала она Маше, — Гуляй. А я на ферму побегу. Как там мои коровушки, соскучились без меня небось?

Пока бабушка приготавливала обед, Маша пошла на озеро.

Через сарай запутиненный ольшаник она вышла к воде. Берег здесь был ровный, пологий и твердый, усыпанный светлым песочком. А вода — такой прозрачной, что видны отелные камушки и темные бороздки, которые проделали в песке ракушки-беззубки.

Метрах в двадцати правее по берегу Маша увидела самодельный причал. На досках лежали двое мальчишек. Возле причала, повешенная на бечеве, висела рыба. И сами мальчишки были тощими и вялыми. Загорелые до черноты. Волосы белые, а носы шелушатся.

— Сюда можно встать? — спросила Маша, поднимаясь на причал. — Доска не сломается? Мальчишки даже не шелохнулись.

— Вы элешние?

И тогда один из мальчишек, что побольше, ухмыльнувшись, встал, обошел вокруг Маши и нырнул в воду.

Он не появлялся долго-долго и вынырнул совсем не в том месте, где ожидала его увидеть Маша.

— Гринька, подожди! — позвал меньший приятель. Но тот остановился, лишь оказавшись достаточно далеко, по плечи высунулся из воды и громко крикнул:

— Эй, Фельдка, видел? Откуда это такая? — Не знаю. Наверно, бабка Алена привезла. Ну и метла, ха-ха!

— Сам ты метла! — крикнула Маша.

Она вернулась к тому месту, где вышла к озеру, разделась и, осторожно ступая, вошла в воду. Шла до тех пор, пока вода не достигла подбородка. Тогда Маша поплыла вдоль берега.

Когда она вылезла из воды, мальчишки лежали на досках причала, отвернувшись от нее.

Маша взяла платье и стала одеваться, но запуталась, руки не пролезали в рукава. Рукава у платья были завязаны.

Маша очень разозлилась: узы были затянута туго, да еще намочены, у нее ничего не получалось.

Тогда Маша встала и пошла к мальчишкам. Те разом притихли. Она шла, небрежно помаяхивая платком. Лицо ее было строгим и решительным.

Фельдка нервно облизнул губы. Гринька наклонил голову.

— Развяжите, пожалуйста, — попросила Маша и протянула платье.

— Гм... — растерянно произнес Гринька. Он

покраснел, взял у нее платье и стал развязывать узы.

— Чего так затягивал-то? — укоризненно шепнул он Фельдке.

— Ты зубами, зубами!

— Сам попробуй! Затянул как не знаю что!

Но вот, наконец, он все-таки управился и отдал Маше платье.

— Сенько! — сказала Маша. — Спасибо по-английски.

И пошла от причала.

Маша шла вдоль поля, рукой расклевывая колосья. И когда она отглаживала, колосья кивали ей, будто кланялись.

За двором рос густой куст бузины. Ветки распластались во все стороны, легли на землю. Раздвинув ветки, Маша заглянула под куст и замерла. В метре над землей, зацепившись за обломанный сук, висел большой светлый шар. По нему позвали осы.

Маша сразу же догадалась, что это осиное гнездо, хоть и видела впервые. Она наклонилась к шару и, опустившись, жужжа качнула ветку. Раздался такой звук, будто на горячую сковороду бросили кусок жира.

— Кыш! — попыталась отмахнуться она. И в то же мгновение оса ужалила ее в плечо. Маша завывала от страха и боли. Дожав ветку, ринулась из куста и, ничего не видя перед собой, бросилась к озеру. Ей казалось, что весь род гонится за ней. И только очутившись возле воды, остановилась.

Шека опухла. Кожа натянулась и отвердела. На месте глаза осталась лишь узкая щелочка.

Бабушка нисколько не удивилась, увидев Машу.

— Ничего, это полезно, — сказала бабушка. — Ядом лечат многие болезни.

Они сели обедать. И тотчас же тут как тут появился кот Бутик. Пригнул на скамейку и пристроился рядом с Машей.

— Бутик есть хочет, — сказала Маша.

— Нет, — возразила бабушка. — Я его знаю.

Но Маша не поверила и положила Бутiku на край скамейки кусочек мяса. Однако Бутик его даже не понохал.

— Он только парное молоко лакает, — сказала бабушка. — До фермы почти километр, а дорогу туда знает, как на печку. Не кот, академик!

После обеда бабушка и Маша пошли на ферму. Шли по полю по извистой дорожке, которая то поднималась на пригорок, то сбегала в ложбину. И все время был виден бабушкин дом на холме. За полем синел лес. От леса через поле шагали столбы электропередачи. Они шагали к низкому и длинному зданию с узкими окошками под самой крышей. Это и была ферма.

Лишь только бабушка и Маша подошли к зданию, откуда-то сразу же понабегали женщины в белых халатах. Улыбаясь, приветливо смотрели на Машу.

— Моя такая, самая младшая, — сказала бабушка, став чуть в сторону и дав полюбоваться Машей.

— В кого же она, в отца или мать? — спросила одна из женщин. — На кого больше похожа?

— Не знаю, — сказала бабушка.

— А болтушка! Тебя скоро перерастет. — Теперь быстро растут. Будто ни кто за уши тянет.

— Акселерация, — встала Маша.
— Ну ладно, акселерация, стой-то некогда. Пойдем-ка телят понть, — сказала бабушка.

В двух ведрах сделали мучную болтушку и понесли ведра в загон. Телята чуть не сбили Машу с ног, так лезли к ведру.

— Куда вы, большелобые! — ругала их бабушка и легонько шлепала по спинам.

Напившись, телята вроде бы еще чего-то ждали от Маши, стояли, смотрели на нее. Дышали громко. Один из них лизнул Маше руку. Язык был шершавый. Маше стало шекотно, она засмеялась.

— Ты ему корочку хлеба дай, — сказала бабушка. — Когда обедать будешь, не выбрасывай корочки-то.

Маша дала теленку корочку. Тот будто слезнул ее с руки. И просил еще, твердым лбом толкая Машу.

До вечера она пробыла на ферме. Когда вместе с бабушкой возвращалась домой, солнце уже сместилось за озеро и низко висело над водой. От этого вода стала красной, а лес и кусты потемнели. Окна в бабушкином доме тоже стали красными, будто в избе горел свет.

Вдалеке появились два всадника. Они мчались через поле к дороге. Лошади, вытянув шеи, стлались по воздуху, словно не касаясь земли. Тропа глушила дробный цокот копыт.

Всадники приближались. Лошади разом перемачнули через узкую проселочную дорогу и понеслись вниз, к озеру. И в то же мгновение Маша узнала Гриньку и Федьку.

— Куда они?

— На водопой коней повели.

И Маша позавидовала мальчишкам.

Когда она утром проснулась, бабушки уже не было дома. Позавтракав, Маша тоже пошла на ферму.

Хотя солнце еще стояло высоко, в тени под густыми кустами возле дороги еще тайлась прохлада. Трава там была мягкой и влажной.

На ферме, кроме колхозного бригадира, никого не оказалось, все ушли в поле. Бригадир ходил около телеги, смазывал колеса детем.

Недалеко от телеги, привязанная к изгороди, стояла лошадь. Она ела траву и одним глазом посматривала на Машу.

— А вы что собираетесь делать? — спросила Маша у бригадира.

— Клевер с поля возить.

— Можно и я с вами?

— Давай, — согласился бригадир. — Это дело хорошее. Гринька с Федькой только что уехали, давай и ты помоги.

— А можно я потом лошадей на водопой поведу? — решившись, попросила Маша.

— Можно, конечно... Только сначала возьми скребок да почисти Буланку. Не бойся, она не

тронет. Скребок води сверху вниз, сильно не нажимай.

Буланке, наверное, нравилось, что ее чистят. Она стояла смиренно, даже перестала жевать, только вздыхала да прыдала ушами.

Клевное поле находилось в километре от фермы. Пришлось дважды переезжать узенький, похожий на канаву ручеек. Вода в нем была коричневая. Над водой носились синие стрекозы.

У ручья им повстречались мальчишки. Они шли позади воза. Бригадир свернул Буланку в травостой, уступая дорогу.

— Возле сарая свалите клевер! — крикнул он мальчишкам.

— Знаем, — по-взрослому ответили мальчишки, хмуро глянув на Машу. И она показала им язык.

Пока бригадир навивал воз, Маша держала Буланку. Та беспрерывно кивала тяжелой головой, хлестала себя длинным хвостом, отбиваясь от назойливых мух и оводов.

— Ну, довезешь одна? — спросил бригадир Машу.

— Свезу! — обрадовалась Маша.

— Попробуй, — предложил бригадир. Он специально навил воз поменьше.

Маша вела Буланку под уздцы и сначала была так напряжена, будто ей с закрытыми глазами надо было пройти по жердочке. Буланка шла быстро, легко везла маленький воз, иногда Маше приходилось почти бежать.

Но когда переезжала через ручей, Буланка шагнула чуть в сторону. Телега, выбившись из колеи, угрожающе наклонилась, и Маша испуганно шархачулась в сторону.

А когда оглянулась, то увидела, что ничего не произошло, — Буланка стояла и ждала ее.

И Маша стало стыдно. Она подбежала, тропливо дернула за вожжи. И Буланка пошла, но как-то странно, боком. Дуга наклонилась, упала Буланке на уши, оглобли расползли в стороны.

— Тпру! — крикнула Маша.

Лошадь остановилась, а телега еще продолжала катиться, и хомут сполз Буланке на голову.

Маша попыталась сдвинуть хомут, но ничего не получилось.

Буланка потянулась к траве, хомут совсем сполз. Маша испугалась, как бы лошадь не задохнулась, запутавшись в веревках, и приподняла Буланке голову. Лошадь фыркнула, и Маше показалось, что она уже задыхается.

— Помогите! — закричала Маша. — Помогите!

Первым к ней подбежал Гринька.

— Чего орешь? Что случилось?

— Вот, — показала Маша на лошадь.

— Хомут рассупонился, — сказал Гринька.

Пока он засупонивал хомут, Федька поднял череседельник.

— Битте, — сказал Гринька, передавая Маше вожжи. — Ты останься, помоги ей, — велел он Федьке.

Маша шла позади воза, спрятавшись от Федьки. Не доходя до фермы, свернула напрямик и через жито побежала к своему дому. Она была благодарна Федьке, что тот за всю дорогу не сказал ей ни слова.

Два дня Маша не ходила к озеру. Ей не хотелось встречаться с мальчишками.

Она решила обследовать окрестности, полями дошла до березовой рощи, редкой и очень светлой. Дальше она шла наугад, пока не выбралась к речушке, крутые берега которой поросли черемухой. По воде возле навала камней бродили мальчишки. Вся одежда на них была мокрой. Они вроде бы что-то искали, шарили под камнями, шупали под корягами.

«Что это они там делают?» — заинтересовалась Маша.

— Кажется, есть, — сказал Федька. И лег на камень.

— Не торопись, — предупредил Гринька.

— Есть! — пристраиваясь поудобнее, сказал Федька. Вода захлестывала ему лицо. — По... Помогите!..

Маша по крутому спуску с шумом скатилась к воде. Мальчишки оглянулись. Федька однако сразу же снова плюхнулся в воду. Пошарил под камнем и, встав, сказал с досадой:

— Упустил.

— Что вы здесь делаете?

— Не видишь, что ли? Рыбу ловим.

— Как, руками? — удивилась Маша. — И что-нибудь поймали?

Ничего не говоря, Гринька подошел к берегу и поднял кулан, на котором сидели три толстобрюхих налима.

— Ой, какие большие!

— Попробуй сама, — предложил Гринька.

Маша вошла в воду. Ногой потыкала в нору. Она хотела вытащить хоть одного такого налима. Почему-то это казалось очень важным. Необыкновенно важным.

— Ты потише там, — сказал Гринька. — Проверь. Если вода в норе холодная, значит, рыбы нет. И лезть туда нечего.

Но Маше всюду вода казалась одинаковой. И она шла и шла вперед и добралась до поворота реки.

— Ты потише, не беги, — повторил Гринька.

— А я не бегу.

Маша хотела сказать, что рыбы-то нет. Но вдруг в норе кто-то шевельнулся. Она резко отдернула руку. Наклонилась, заглядывая в нору. Но ничего не было видно. Она пошевелила в норе прутиком. Потом осторожно засунула руку. Подождала. Вода показалась ей очень теплой. Еще продвинула руку. А сердце колотилось часто-часто. Маша закусила губу, ждала: вот сейчас, сейчас... Рука коснулась стенки норы, ткнулась в гнилую корягу. В норе никого не было. «Ушел», — огорченно подумала она и сунула палец в какую-то узкую щель.

Она взвизгнула не столько от боли, сколько

от страха. Одним прыжком вымахнула на берег. Большой темный рак, оторвавшись от ее руки, гулко шлепнулся в воду.

Мальчишки бросились к ней.

— Что? Чего ты?

— Кусается! — глядя перепуганными глазами, сказала Маша.

— Подумаешь, рак схватил...

И они снова побрили неторопливо против течения. Так, будто к ногам у них было привязано что-то тяжелое.

Мальчишки наконец озябли. Они вылезли на берег, легли на траву.

— Ну как, больно? — спросил Гринька у Маши.

— Нет. Страшно.

— Ничего, привыкнешь.

— Нет, ничего у меня не получается! Ничего! — призналась Маша. — Ничего-ничегошеньки я не умею делать!

— Получится, — сказал Гринька. — Вот Федька тоже не умел налилов ловить, а выучился. Стараться надо.

Полдня Маша ходила сама не своя, нигде не могла найти себе места. Такое состояние бывает, когда ждешь поезда. Кажется, оставил что-то дома, куда-то надо бежать.

Неожиданно она догадалась. Надо поймать налима. Поймать — и все!

Маша очень торопилась, почти бежала. Пробравшись через березовую рощу, она оказалась на крутом берегу, в том месте, где утром встретила мальчишек. Сейчас здесь было пустынно и тихо. От кустов на воду падала тень, и вода казалась темной, глубокой. Оголенные корни черемух торчали из земли, как скрюченные пальцы.

Она глянула на воду и остановилась. Когда шла сюда, ей казалось все так просто: вот сейчас войдет в воду и будет шарить под камнями, пока не поймает налима. Но теперь оробела. «Пойду обратно», — подумала она, но твердо знала, что уже не сможет этого сделать.

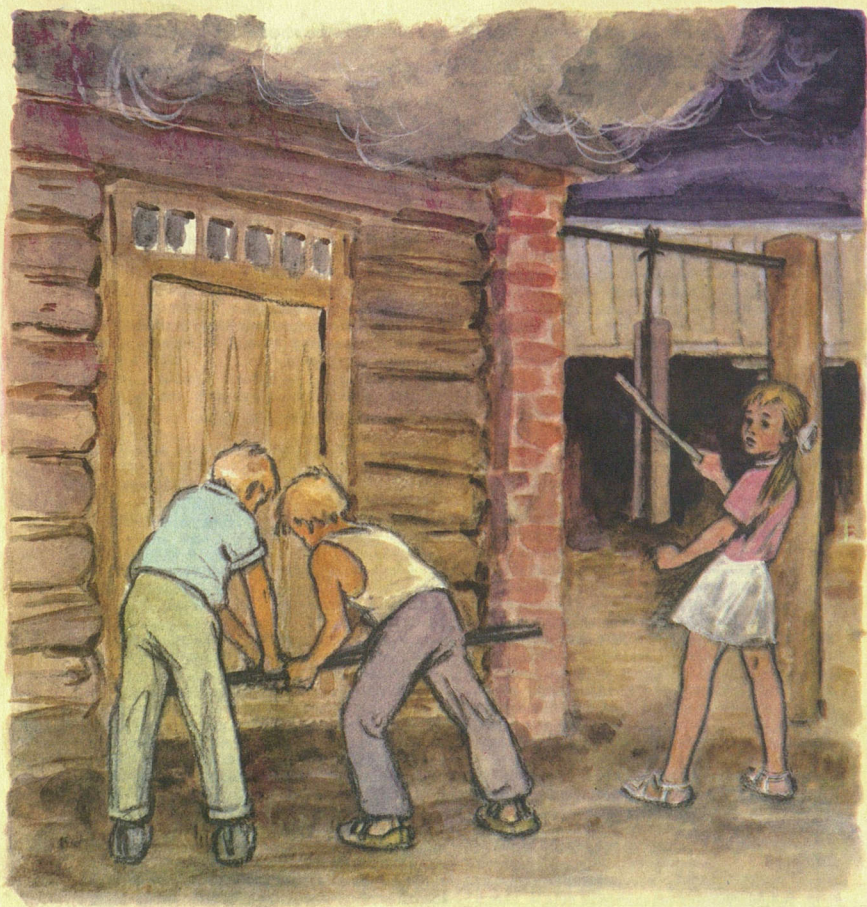
Маша ступила в воду. Ее колотил озноб. Крадучись, не дыша, она подошла к камню. Наклонилась, закрыла глаза. Ей казалось, что как только она сунет руку в нору, сразу же кто-то схватит ее.

Но все-таки залезла рукой под камень, пошарила там, — пусто. И Маша легко выдохнула.

Она шарила под камнями до тех пор, пока не замерзла, пальцы перестали слушаться. Налима не поймала, но ей было хорошо, весело. Выбравшись на берег, Маша легла на траву, закрыла глаза. Она лежала и чувствовала, как вместе с нею кружится земля.

Наступили жаркие, по-настоящему летние дни. Маша с утра до ночи вместе с мальчишками пропадала на озере. Она похудела, потемнела от загара, и бабушка называла ее «корочкой».

Маша теперь просто не представляла, как бы она смогла обойтись без новых друзей хотя бы день. Проснувшись, сразу же бежала к озеру. Мальчишки уже ждали ее. Когда бы Маша ни пришла, они уже были здесь. В двенадцать часов — Гринька безошибочно определял время по солнцу — мальчишки ходили обедать, и она тоже шла домой.

Так было и на этот раз.

Возвращаясь с озера, Маша увидела бабушку. Та торопливо шла к дому. Маша окликну-

ла ее, но бабушка только мельком взглянула, даже не приостановилась.

— Некогда, некогда!

Войдя в избу, бабушка стала поспешно собираться.

— Сенокосная пора, Манька! А в лугах сено не убрано. Даже нас, доярок, попросили помочь. Пойди-ка и ты с нами.

Бабушка налила бидон квасу, отдала его Маше, а сама завязала еду в белый платок, надела легкие кожаные сандалии, взяла грабли для себя и для Маши, и они пошли к ферме.

Возле фермы им повстречалась повозка. Возница чуть придержал лошадь. Маша и бабушка сели в телегу, и колеса весело затарахтели по дороге. Телегу трясло, подкидывало на ухабах, дребезжала тонкая ручка на бидоне. Потом возница свернул в поле, и колеса покатились сразу же мягко, почти бесшумно, стебельки конского щавеля легко стегнули Машу метелками по голым коленям.

На лугу, куда они приехали, было многолюдно. Торопливо сновали женщины с граблями.

— О, никак и Манька к нам? — воскликнула одна из них. — Ну, теперь дело будет! В первый раз, наверное, на сенокосе?

— В первый раз.

— Надо повалить ее в сене!

Женщина легко подняла Машу и швырнула в мягкую копну. Маша взвизгнула, проворно вскочила.

— Ух ты, какая шустрая! — воскликнула женщина.

— Ну, Манька, дремать некогда! — добродушно улыбаясь, сказала бабушка. — Бери скорее грабли да иди подгребай сено.

И бабушка показала, что и как надо делать.

Но у бабушки грабли чуть касались земли, а у Маши вцеплялись всеми зубьями, выдирая дерн.

— Ты легче, легче держи грабли, на весу, — учила бабушка.

Все на лугу работали в едином ритме. И этот ритм захватил Машу. Она перестала думать о том, получается у нее или нет, просто хотелось сделать как можно больше, и стало легко.

День был знойный. Над холмами струилось синее марево, как будто там раскачивали спущенный с неба прозрачный занавес. Возле пересохшей канавы тряпками повисли листья увядшего лопуха. Под ними, опустив голову, широко раскрыв клюв и уронив крылья, сидела ворона.

Маше хотелось пить. Но в бидоне ничего не осталось.

Ее окликнули. Она оглянулась и увидела мальчишек. Они возили сено.

— Надо бы, ребята, колеса в озере намочить, совсем рассохлись, — сказал бригадир, который тоже был на лугу. — Или хотя бы копей напоят. Ведите-ка их, искупайте. Только быстро, в три минуты туда и обратно, пока мы вozy навиваем.

Мальчишки распрягли лошадей, сели верхом.

— Возьмите и меня, я очень пить хочу! — попросила Маша.

— Давай! — сказал бригадир, подхватил ее под руки и посадил позади Гриньки. — Ну, держись!

Маше показалось, что она очутилась на уровне второго этажа. Она судорожно вцепилась в Гриньку.

— Ох-хо-хо! — выгнувшись, закричал Гринька.

— Ты чего?

— Шекотно! Не хватай так!

Маша так боялась, что сначала, кроме стриженного Гринькиного затылка, ничего не видела.

Около озера, почувствовав воду, лошадь заржала, пошла быстрее. Тропка здесь круто спускалась вниз.

— Держись! Держись! — закричал Гринька.

Но было уже поздно. Маша соскользнула по лошадиной спине. И поняла, что произошло, лишь когда очутилась в воде, верхом на Гриньке.

— А! Ты нарочно, да? Ты нарочно? — выкарабкиваясь, сердито закричал Гринька.

— А ты сам что?

— Держаться надо было!

— Так ты и держался бы!

Лошади пили долго. Навпившись, шумно вздыхали, с мягких губ их падали капли. Ребята тоже напились. Маша ополоснула лицо. Она подумала, что хорошо бы сейчас искупаться, но Гринька уже выводил лошадей из воды.

Где-то очень далеко, будто на самом краю земли, глухо пророкотал гром.

Когда Маша поднялась на косогор, над озером нависла тяжелая темная туча. Озеро внизу было тоже темным, мрачным. Все кругом притихло, присмирело, будто притаилось, ожидая чего-то.

Не оглядываясь, Маша побежала на луг. А позади уже грохотал гром.

На лугу женщины складывали в копны сено. Маша схватила грабли.

— Давай, внученька, сбивай сено! — крикнула бабушка. — Сейчас дождь пойдет!

Маше не хотелось отставать от взрослых. Мокрые волосы падали ей на глаза, но некогда было их поправлять.

Туча все напоззала, она закрыла солнце, и слышно стало, как шумит приближающийся дождь.

— Ах, Манька, у нас с тобой окна в избе не заперты, как бы ветром все стекла не выбило! — вспомнила бабушка. — Беги скорее, закрой! Может, успеешь!

Маша мчалась изо всех сил. Она была уже возле проселочной дороги, когда ахнул гром. От испуга Маша присела. Сверкнула молния. Она зависла над пригорком, как белая лента, мигнула, и опять так трахнуло, что воздух ударил в лицо.

Тяжелые крупные дождинки стукнули Машу по плечам, отпечатались темными точками на пыльной дороге. И Маша увидела, как синяя стена ливня покатила навстречу. Ее накрыло дождем. Она — еще никогда не видела такой страшной грозы.

Еще издали Маша заметила, что над крышей фермы поднимается дым. Кто это там в такое время топит печь? Но дым валил уже очень густо и почему-то из-под застрехи. Пожар?

Маша бросилась к ферме. Ведь там телята. Добежала до дверей, рванула их. Заперты! Маша изо всей силы дергала железную скобу, но дверь не поддавалась.

«Где-то должны быть люди...» — Она поспешно осмотрела двор и увидела кусок рельса, проволокой прикрепленный к перекладине. Схватила палку и ударила в рельс. Тот загудел гулко, тревожно. А Маша колотила и колотила в него. Нет, никто не придет, не услышат ее. Сгорят телята!

Но из-за кустов выскочили мальчишки. Гринька подбежал под запертую дверь лом, они втроем навалились на него.

— Дружнее! И раз! Еще раз! — командовал Гринька. — Сильнее! Еще раз! — у Маша даже в глазах потемнело.

Дверь хрястнула, открылась. Мальчишки, а за ними и Маша вбежали в помещение. Телята громко мычали.

Маша подбежала к узкому загончику, открыла его. Она стала выталкивать телят, пихала их, хлопала по спине.

— Идите, идите! — звала и просила Маша. — Идите же!

Телята упирались. Большими испуганными глазами смотрели на Машу. А огонь уже бежал по деревянным балкам, длинные языки пламени лизали стропила.

— Идите, идите! — кричала Маша. Она громко всхлипывала, — телята не слушаются ее.

Рядом с Машей упала дымящаяся доска. Один теленок побежал в противоположную от дверей сторону. Маша хотела его догнать, но сильная рука цепко схватила ее за плечо.

— Куда! Назад! — крикнул Маше бригадир. — Дуй отсюда!

Маша выбежала на улицу.

...Минут через двадцать пожар погасили. Когда все уже было кончено, Маша заметила, что дождь прекратился.

Взрослые умывались, переговаривались между собой.

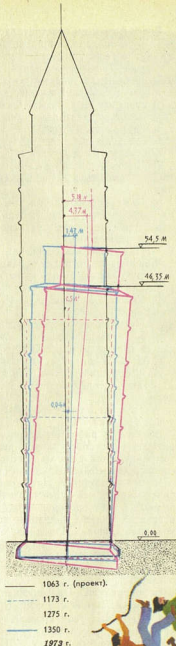
— Ох, чуть было все мои коровушки не сгорели. Все мои милушки! Надо же так случиться, молния-то угодила прямо в кровлю! — причитала бабушка.

— Да кто первый все заметил? Кто в рельс колотил? — поинтересовался бригадир.

— Вот они, — указал кто-то на мальчишек. Мальчишки переглянулись, Гринька сказал:

— Не мы, Оня.

— Мы все вместе, — возразила Маша. — Все вместе, точно!

Чтобы увидеть знаменитую башню, которая падает более семисот лет, в итальянский город Пизу съезжались туристы из Европы, Америки и даже Новой Зеландии. Но если инженеры не удержат Пизанскую башню, она вот-вот рухнет. Башню (по-итальянски) — кампанилу — колокольную)

УДЕРЖИТЕ

ПАДАЮЩУЮ БАШНЮ!

строили почти сто семьдесят лет, начиная с 1173 года. И уже во время строительства линия ее центра тяжести отклонилась от вертикали на 1,47 м., и башню оставили недостроенной. Теперь же эта линия отклоняется на 5,18 м. С каждым годом наклон башни увеличивается.

Правительство Италии при-

звало всех ученых и инженеров мира спасти знаменитую башню. Объявлен конкурс на лучший проект. По условиям конкурса башню выпрямлять нельзя, тогда пролагает весь интерес к ней, она должна замереть в наклонном положении на века. В конкурсе участвуют и советские инженеры. Хотите участвовать в кон-

курсе — создавайте свои проекты. Быть может, именно ваш проект спасет Пизанскую и другие падающие башни. Считайте, чертите, придумывайте — ждем ваши проекты. Лучшие будем печатать. Все необходимые размеры вы найдете на чертеже.

Оформление
Ю. Кайкова

СПОРТ НАИЗНАНКУ

Рисунки Н. Муратова

1. Мальчишка в стране Небоскреби жил. По имени Джим, по фамилии Хилл. Однажды прочел он в журнале призы:

2. «Все золото мира — медали, призы ты можешь добыть, если будешь спортсменом —

3. ГРОССАРХИСВЕРХУЛЬТРАНАИСУПЕРМЕНОМ!

4. А чтобы вступить во владение призами, ты выдержи должен в спортколледж экзамен.

5. В нежданное счастье поверить легко ли — не медленно Джим отправляется в колледж.

6. Экзамен на скорость. Дорожка в грязь, при этом, по ней — не беги, а ползи. Под хохот и крики ползи для потехи, ободранным носом толкая орехи.

7. А рядом на ярко-зеленой траве — турнир по хождению на голове. Здесь ёрзает каждый на собст-

венном лбу к далекому финишному столбу.

8. Еще состязанье. Студенты на старте! В одну телефонную будку в азарте набилось не менее ста человек. Не менее ста, видно, будет калек.

9. Экзамен на силу. Привозят роали. Студентам большие кувалды раздали. Заглохли последние в мусоре ноты... С оценками судьи взметнули блокноты.

10. С мечтой о медалях прощается Джим и сам предлагает себе:

— Убежим!

Быть может, нам скажут, что все это сказки, что вот, мол, для смеху сгустили мы краски, что так не бывает... На это в ответ вот ФАКТЫ из самых солидных газет:

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕЛЕГРАФНЫХ АГЕНСТВ

...Телевизионная передача велась в последние четверть часа рекордного сидения под душем Петера Шелла. Всего этот тридцатилетний житель Мюнхена просидел непрерывно под струями воды 168 часов...

...Самым популярным соревнованием в американском штате Техас в 1969 году оставалось скоростное уничтожение старых пианино. Хотя диаметр контрольного отверстия, через которое полагается пропустить обломки, несколько уменьшен, братьям Стайлзам из Остина удалось на пару сокрушить инструмент в течение 14 минут...

...На ежегодном конкурсе пианистов, играющих пальцами ног в Саутерн-Бич (Флорида), первое место присуждено Реду Уинстону. Победитель был вне конкуренции как по исполнению этюдов Шопена, так и по оригинальности собственного сочинения — сонаты „Пединюр“.

...Тойво Хяркинен, рекордсмен по бегу на четвереньках, получил Большой приз Филадельфийского „Клуба оптимистов“ за победу в трехмильной круговой гонке с новым высшим достижением—3 часа 11 минут.

*

...Абсолютный рекорд в поедании устриц, как по скорости, так и по количеству проглоченных без перерыва, установил конторский служащий из Сиднея (Австралия) Элфред Рейнбот. За 24 минуты ему удалось расправиться с 322 моллюсками...

*

...Неправдоподобным может показаться сообщение о падении «рекорда столетия» — достижения студентов из Кентукки. В начале года они сумели втиснуть в комнату площадью 30 кв. метров 225 человек. Однако их коллеги из Буффало превошли этот рекорд на 8 человек...

...Объявлено, что мировой рекорд безостановочного говорения (24 часа 17 минут) испанского монаха Фульхенсио Дюмона из города Гренады признан недействительным, так как при его установлении Дюмон пил пиво.

...Лауреатом ежегодного конкурса Европейской Федерации «Рыцари желудка» провозглашен 22-летний грек Костаимас, проглотивший за час 421 метр макарон...

...Около трех тысяч зрителей наблюдали за состязаниями плакальщиц в Филадельфии, когда разразился скандал: фаворитка чемпионата Энита О'Дэй была на исходе второго часа уличена в мошенничестве — ее носовой платок был пропитан луком...

...Двадцатилетний лондонский студент-химик Том Хили стал рекордсменом в пожимании рук. За 9 часов 16 минут он пожал 9002 руки. Прежний рекорд (9001 рука за 10 часов 9 минут) принадлежал также англичанину.

...Почти на полторы минуты превысил мировое достижение Питер ван Бургер из Блумфонтейна (ЮАР). Всего 8 минут 50,8 секунды понадобилось ему, чтобы проползти сто ярдов, толкая перед собой носом земляной орех.

...Неожиданной была победа 13-летнего школьника Уолтера Рэббита на состязаниях, организованных журналом «Форум». 14 дней не вынимал Уолтер изо рта жевательную резинку. Его последний соперник был дисквалифицирован уже на одиннадцатый день за недостаточно энергичные движения челюстями.

Конкурс живых манекенов в в миланском универмаге „Орландо“ выиграл Баттисто Сеньи, простоявший в витрине 131,5 часа...

Материал подготовил Ю. Михайлов

СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель Н. Сладков

БЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

У забора, среди бурого шавеля и жухлой крапивы, наврал в букет сорника-чиртополюха — бедно-лиловые шапки на крепких колосках стеблей. А пестля будто нарочно кто вырезал: каждый — как ром с открытыми лезвиями, и все косо торчат: врешь, не возмизаешь!

Поставил и чиртополох в банку и люблюсь. Красиво! Через несколько дней мой чиртополох переменялся, потерял лиловые, почернел. Цветы его стали похожи на кувшинки. Из одного такого кувшинчика полезли вдруг во все стороны пестрые белые звезды, немные и скользящие на ощупь. К вечеру звезд этих появилось целое созвездие! А сколько еще внутри улавнов! Звезды дергаются друг за дружку и чуть покачиваются над кувшинчиком высокой белой шапкой. Провел я рукой около, и звезды зашевелились, будто обрадовались, затопорчились кура-то.

Догадался я, чего им надо. Вынес банку на крыльцо и поставил там. А ветер только того и ждал: как выскочит из-за угла! И полетели белые звезды по всему саду и дачке, к соседу моему Ивану Иванычу, который сорником терпеть не может. Где же — бежит с тиркой и палочкой.

Летят белые звезды — через переулоч, через улицу, в неизвестные края, к незнакомым людям. Кто увидит белые звезды, кто им порадует, кто их глазами проведет — тот мой незаметный друг. До него, значит, долетела моя весточка.

А. Крестинский

из „КРАСНОЙ КНИГИ“

ДНЕЙРАН

Давным-давно большие стада стрбынх джебранов бродили по степям и пустыням Восточного Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Водились они и в Монголии, и в Китае.

Животное это неприхотливо — была бы вода и корм — трава да кустарники. Случайно, пресной воды нет — джебран обходился некоторое время без питья или утолял жажду водой соленой.

Охота на джебрана была широко распространена всюду, где они встречались. Мясо их — вкусное, шкура добротная, рога самцов, похожие на лиру, красивые. Осыпая и зимой жавотные, кочевники в теплые время в одиночку или небольшими парами, сбивались в крупные стада. Добрача охотники тут были обеспечены.

Неудивительно, что джебраны оказались почти что истребленными. Тогда и спохватились: занесли их в „Красную книгу“, а охоту запретили.

Мера эта вскоре помогла. В одном только Азербайджане за десять с лишним лет снова появилось много красивых быстрых животных.

На рисунке джебран кажется совсем мирным и спокойным животным, а его рога — лишь красивая украшение. Но в момент схватки самцов это украшение становится грозным оружием. А вот от хищника джебраны спасут только его быстрые ноги.

Е. Лысов, В. Левин

На Чукотке сейчас почти круглые сутки греет большое теплое солнце. А на берегу нежится морж. Эту фотосъемку сделал чукотский школьник восьмиклассник Сергей Сив-Сив.

ЮЛА

Когда я был маленьким, очень любил ходить за огородами. Однажды отстал от ребят и возвращаясь домой один. Тихий вечер затуманил перелески. В нагнетом за день воздухе летали стрекозы. Я побежал за одной стрекозой, свернул с дорожки в густую траву и тут неожиданно испугнул маленькую птешку — юлу.

Серенка, похожая на жаворонка, птичка отпрыгнула на несколько шагов, убисленно заломила крылья и упала, точно мертвая. Я бросился к ней и накрыл фуражкой. До сих пор помню: большие испуганные глаза, полуоткрытый клюв и частое-частое дыхание. „Болншая“, — решила я.

Когда я снова вышел на дорожку, то увидел свою опрокинутую корзинку и рассыпанные ягоды. Наклонился собрать ягоды и осторожно положил птичку в карман. Но едва лишь это сделал, юла, будто скользящая рыба, шмыгнула прочь и здоровенно, без признаков хвори, полетела. Изумленный, я только ахнул.

А причину такого странного поведения юлы понял уже много позднее. Птичка была спугнута с гнезда. Славя свои дом с птенцами, она припала большой и, привлекая опасность к себе, упала в траву в стороне от гнезда. Надо думать, какой я был страшный в глазах этой отважной защитницы своего семейства!

Как же она любила детей, если, спасая гнездо, приподняла подбитой и отдавалась в руки врагу!

Л. Фокин

Оборьтание В. Прохкина

РАССКАЗЫВАЕТ ЮРИСТ

Природу охраняет закон

Раньше человек с природой боролся. Он видел зверя, и первая его мысль была: «Как бы этого зверя убить! И он хватался за лук, топор или копье. Люди домыслили своего мерского времени и поднимали леса. После пожара на месте тысячелетнего бора только было слыш элб.

Человек был слаб и дрался с природой, не щадя ее, он защищал свою жизнь и жизнь своих детей.

Люди считали, что любого земного богатства — зверей и птиц, вод, леса и травы — хватит на вечные времена.

И однажды оказалось, что леса на земле остались мало, а в некоторых странах его и вовсе не стало. Да и другие природные богатства на нашей планете не так-то уж много, и если их не беречь, то они быстро могут иссякнуть, кончиться.

Сегодня, если бы люди захотели, то в несколько дней они могли бы поубавить всех львов или белых медведей, или вычерпать всю рыбу из какого-нибудь моря, или уничтожить весь лес на земле — такая могучая техника теперь у людей.

Но человек без природы жить не сможет. Он без нее погибнет. Ведь он дышит свежим воздухом, пьет воду, земля, питается земной пищей. Даже в космос люди берут с собой часть земной природы.

Землю нередко сравнивают с большим космическим кораблем. А человечество — с командой этого корабля. Что ты свамешь о космонавтах,

которые из-за всех сил разрушают свой корабль?

Сегодня могучий человек должен природу оберегать.

Если он видит зверя, первая его мысль должна быть такая: «Как бы этого зверя собрать для всех нас и для будущих людей». Если он видит дерево — он должен не набрасываться на него с топором, а стараться сохранить этому дереву жизнь. Ведь все на земле связано. Например, не будет деревьев — высохнут реки. А высохнут реки — кто будет пить города!

Если ты видишь, что начинается пожар в лесу, немедленно сообщай в правление колхоза, в пожарную охрану.

Если ты видишь человека, ломающего колхоза, да забави деревца — останись его.

Если ты видишь браконьера, стреляющего в птиц или в зверя — протиди его, следи от него природу.

Природа — она твоя и моя, она наша общая. Тот, кто грабит ее — грабит тебя, меня и будущих людей.

А на грабителей всегда существуют законы.

Первый советский декрет об охране лесов подписал Владимир Ильич Ленин в 1918 году.

Сегодня природу охраняет закон, принятый Верховным Советом СССР, и он строго наказывает тех, кто ее грабит.

Т. Кириллова, юрист

СОСЕД БОРОВКОВ, ГОШКА И ПИРАТ

РАССКАЗ

Н. Максименко

Рисунок А. Аземши

Годы уходят, жизнь проходит, а собаки все нет и нет. И главное, мама совсем не против и папа не против. Против сосед Боровков. Боровков развлекает по всей квартире плакаты — «Не позволяю содержание животных в коммунальной квартире!»

Один такой плакат он повесил на кухне над столом, а второй — в коридоре прямо против Гошкиной двери.

Мама сколько раз пыталась его уговорить, но на такого, как Боровков, убеждение не действует.

Папа сказал:

— Я думаю, если мы поживем еще годик с таким соседом, то нам и собаки не надо, мы сами лаять будем.

— Ну, это все-таки не то, — возразил Гошка. — Я хочу настоящую, понимаешь, настоящую живую собаку.

И надо же было так случиться, что Вовка из соседнего двора и Гошка нашли ее так просто на улице. И это была — ну честное слово! — самая лучшая на свете такса.

Когда Гошка увидел ее, и такса вразвалочку пошла навстречу Гошке, смотря на него так, словно они только что встретились после долгой разлуки, Гошка сразу понял: это как раз то.

— Как ее назвать? — спросил Гошка.

— Я думаю, — ответил Вовка, — нужно что-нибудь морское. Может быть, Юнга?

— Пират! — громко сказал Гошка.

Такса вздрогнула и завиляла хвостом. Может, случайно Гошка угадал ее прежнее имя?

Вовка ушел, а Гошка решил поместить Пирата во дворе, в сарае.

Но как подготовить маму? Этого он решительно не знал.

Они сидели с Пиратом в холодном темном сарае, прижавшись друг к другу, и каждый думал о своем.

«Нет, — думал Гошка, — надо пойти и все рассказать маме. — Или я, или сосед! И пусть папа заставит Боровкова, а не то... не то мы пойдем по улице куда глаза глядят, и будем так идти и идти...»

...И они так шли и шли. Шли, даже не зная куда. Их толкали люди, но они не обращали на это никакого внимания. Не обратили внимания и на то, что толпа стала редеть, а потом и вовсе никого не стало.

Они прошли улицу, потом еще другую и вышли на площадь, на которой Гошка бывал, наверно, раз сто, только за площадью теперь был большой сквер. Трава в сквере высокая и зеленая, совсем как в поле. И потом сейчас уже начало ноября, а трава здесь, как летом.

«Что за чудо», — подумал Гошка, оглянувшись и увидел, что никакой площади уже нет и улиц тоже никаких нет, а впереди и сзади одна высокая трава.

И тут Гошка чуть не наступил на змею. Он подпрыгнул от страха метра на два от земли и услышал позади себя голос, хотя прекрасно знал, что, кроме него и Пирата, никого здесь нет.

— Напрасно ты боишься, она не кусается.

Гошка понял, что это говорит Пират, да так и взвился в воздух от удивления. Тогда Пират тоже подпрыгнул и повис рядом с Гошкой.

— Можно полетать, — сказал он.

Развернув широко руки, Гошка взмахнул ими, как крыльями. Внизу, как море, колыхалась высокая трава, вдали возвышались круглые холмы, а еще дальше, на горизонте, виднелся в тумане город. Это было совсем не то, что смотреть сверху из окна дома, или там с балкона, или хоть с чертова колеса. Совсем, совсем не то.

Гошка спланировал вниз и полетел рядом с Пиратом.

— Скажи мне, — спросил Гошка, — другие собаки тоже могут разговаривать?

— Все могут.

— А другие звери?..

— Ну, конечно! Все звери, и травы, и деревья.

Они опустились на холм.

День кончался. Закат окрасил все небо в розовый цвет. Ни одного облака не было на нем, ни одного самолета, ни одного вертолета. Только бабочки — желтые, синие и красные.

А потом вдруг розовый свет потух, как будто его погасили, и бабочки все улетели, — они всегда ложатся спать вместе с солнцем, — но зато появились большие зеленые стрекозы, и весь воздух наполнился шуршанием их крыльев, и от стрекоз все небо стало бирюзовым.

Выплыла огромная луна.
Гошка и Пират сидели рядом, прижавшись друг к другу, и Пират лизал Гошку в лицо...

И тут Гошка увидел, что они уже сидят не на холме, а по-прежнему в углу сарая, на старом мешке. Пахло бензином и масляной краской, и со двора раздавались звуки радио...

Гошка поднимался к себе на четвертый этаж.

Под полрой его пальто повизгивал Пират. Гошка нажал на звонок. Открыл Боровков.

Гошка вынул из-под пальто Пирата и опустил его на пол, и Пират вразвалочку пошел в квартиру. В коридоре показалась мама и закричала:

— Какой хороший! И ходит вразвалку, как пират. Вот о таком щенке я мечтала всю жизнь.

И сосед Боровков, громко ворча, удалился в свою комнату, хлопнув дверью.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

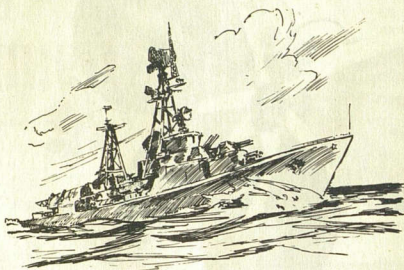

Выходит
под редакцией
контрамiralа
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-я

К бою готов!

Мягко переваливаясь с борта на борт, мчится корабль-ракетоносец. Пенят воду мощные винты. Гребни волн взлетают выше борта. На тугом ветру полещется военно-морской флаг Советского Союза... Море пустынно — ни корабля на горизонте, ни дымка.

В акустической рубке ракетоносца полутемно: так лучше видны показания светящихся приборов. Операторы слушают. Вот в наушниках знакомый шум: это винты самого ракетоносца, шум привычный. А вот это — либо косяк большой рыбы, либо помехи... А это что? Замелькали стрелки приборов! Операторы прижали наушники ладонями, докладывают: «Слышим неизвестные шумы! Шумы движутся по курсу!»

У командира ракетоносца прямая связь с акустической, вмиг ему стало известно: акустики слышат шум винтов подводной лодки... И вот уже по всему кораблю

гремят колокола громкого боя: «Тревога! Боевая тревога!»

Разбегаются по своим постам — к механизмам, орудиям, пусковым установкам — матросы. Торпедисты в шлемах, похожие на летчиков, застыгают у торпедных аппаратов.

— Корабль к бою готов! — докладывает командир.

Акустики слушают: подводная лодка маневрирует! Увеличивает ход! Хочет оторваться от ракетно-топоса Координаты... Расстояние...

Теперь командир решает:

— Залп!

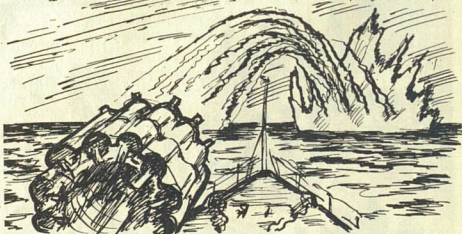
Противолодочные установки словно вспыхивают мгновенным огнем. Рой ракет — глубинных бомб — описывает дуги и взмывает столб воды. Гигантский фонтан поднимается и оседает на поверхности моря...

Конечно, это всего лишь учения. Подводная лодка — условный противник, а бомбы — без глубинных зарядов. Но если бы это был настоящий враг, он не ушел бы...

— Отбой!

Ракетоносец продолжает поход.

В. Левант,
рисунки автора

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ВИД КОРАБЛЯ СБОКУ

ВИД СПЕРЕДИ

ЛЕД
ЛОМАЕТСЯ

Как действует ледокол? С разгону налезает на лед и ломает его тяжестью своего корпуса. Конструкторы решили: а если не сверху ледокол на лед загонять, а снизу, под лед.

Лед снизу взламывать легче, он в воде мягче, податливее. Форма корпуса у корабля, конечно, будет необычная.

В разрезе посмотреть: не корабль, а пуганая чернышница!

ТОВАРИЩА ВЫРУЧАЙ...

(Рассказывает
капитан 1-го ранга в отставке
Леонид Емельянович Родичев)

— Было это в 1941 году на Балтике. В Ирбенском проливе во время боя с фашистскими самолетами был поврежден наш эсминец «Страшный». Он накренился на один борт и потерял ход. Я командовал эсминцем «Сви́репый» и находился неподалеку. Мы подошли к «Страшному» и прикрыли его огнем своих пушек. Отбили от самолетов и стали отходить. Шли от берега на расстоянии четырех миль. Вдруг рядом с эсминцами поднялись всплески разрывов... В чем дело? Оказывается, фашистские тяжелые орудия с берега ударили по нашим эсминцам. Наблюдатели «Сви-

репого» засекли в кустах всплески выстрелов и передали данные башенным артиллеристам эсминца. Началась дуэль корабля с береговыми орудиями. Пушки врага были замаскированы, а наши корабли — как на ладони. К тому же «Сви́репый» не мог отойти и оставить «Страшного».

Все ближе и ближе к кораблям разрывы... Но и наши снаряды рвутся рядом с фашистскими пушками. Кто кого? Наши дальнометристы приникли к приборам. Зап! Еще зап! И вот я в бинокль увидел: полетели в воздух обломки фашистских пушек!

Есть на флоте заповедь: полетели в воздух, но товарища выручай! Это и к людям, и к кораблям относится... Вот так и эсминец «Сви́репый» выручил «Страшного».

Рассказ записали ленинградские юнкоры
Юра Поляков, Владик Федоров и Володя Куликов

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«ЦУСИМА» Слава Крупна, 14 лет,
г. Каменск-Уральский Свердловской обл.

ДИПЛОМ ПИНГВИНА

За лучшие рисунки и гравюры жюри решило наградить Дипломом «ГОЛУБОЙ ПИНГВИН»: Аделу Планас (Республика Куба), Вову Ильина (Приуртышский зерносовхоз), Толю Савина (Иркутск). Диплом «ЖЕЛТЫЙ ПИНГВИНЕНОК»: Галю Самохвалову (Свердловск), Павла Бурлакова (Тюмень), Нину Вальчук (Елабуга), Лену Зуеву (Мурманск)

БДИТЕЛЬНОСТЬ В ПОХОДЕ

Наш отряд «Товарищ» проводил летний поход по Оке. Неподалеку от поселка Серебряные Пруды мы узнали от деревенских ребят, что на реке балуют браконьеры. Решили выслать патрули. В 12.30 получили записку от командира патруля.

Выслали помощь — четыре человека. В 14.30 браконьеры были задержаны. Отряд от правления местного совхоза получил благодарность — за бдительность!

Командир отряда А. Кудриков,
г. Новомосковск Тульской области

SOS Срочно
Браконьеры
подлизости
ловят сетями
рыбу. Не спускай
с них глаз
Ждем помощи!

Записка командира
патруля

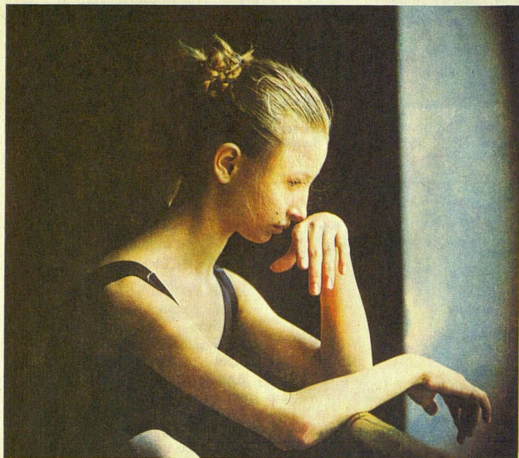
ПИОНЕРСКИЕ СУДА

Сошли со ступеней новые теплоходы, названные именами пионеров, юных партизан: «Яша Гордиенко», «Хендрику Куйвас», «Валя Куракина». В разных морях они будут плавать, и на Балтике, и на Черном море. И где люди их ни увидят — они вспомнят о Яше, герое одесского подполья, о Хендрике, который сражался с фашистами в истребительном батальоне, о Вале, маленькой партизанской санитарке, героически погибшей в могилевских лесах...

В "БАРАБАН" ПРИШЛО ПИСЬМО

На письмо Светы Шелудковой (смотри стр. 24)
отвечает В. С. Костровицкая,
старший преподаватель
Ленинградского хореографического училища,
заслуженный деятель искусств БССР

Ленинградское хореографическое училище

Милая Светлана! Во многих городах нашей страны существуют специальные Хореографические училища, которые готовят артистов балета. Ты живешь в Курганской области, и ближе всего к тебе находится город Пермь, где есть замечательное училище с интернатом для тех, кто приезжает из области и других городов.

Поступить в училище можно, если у тебя совершенно здоровое сердце, легкие и зрение; правильные, с точки зрения балета, фигура и ноги. Все это определяют врачи и педагоги-специалисты.

Ты немного опоздала поступать, так как учишься уже в шестом классе. Но для опоздавших, если они способны к танцам, могут сделать исключение: зачислить в класс с шестилетним обучением. Кроме того, в училище есть Народное отделение, куда принимают ребят твоего возраста и где учиться надо всего пять лет.

Каждый год в конце мая в училищах бывает первый медицинский осмотр и отбор поступающих. В конце августа «художественный» осмотр и окончательный прием учеников. Напиши в Пермь по адресу: Коммунистическая, 8. Пермское Хореографическое училище. Заведующему учебной частью. Попроси, чтоб тебе ответили, в каких числах мая будет прием. Постарайся «мирным путем» согласовать с мамой условия поездки. С собой надо взять табель успеваемости. С плохими оценками не принимают.

И последнее: заниматься в Хореографическом училище очень трудно. Кроме общеобразовательных предметов, здесь ежедневно по несколько часов занимаются классическим и народно-характерным танцами, а в средних и старших классах прибавляются уроки актерского мастерства, дуэтного танца, репетиции, лекции по истории музыки, театра, скульптуры, живописи... Кроме того, ученики выступают в балетных спектаклях внутри и вне школы, что называется производственной практикой.

Если кто-нибудь думает, что учиться танцевать — веселое и легкое занятие, он глубоко ошибается. Желаю тебе осуществления мечты.

Фото Ю. Колтуна

Монь на обложке „Уголька“
Он прискакал издадалека,
Но не устал ничуть.
Он на обложке отдохнет,
Травы поест, воды попьет,
Отсюда — снова в путь.
Пора в обратный путь!

8

— А куда?
— А тут написано. Рассмотрите внимательно стихотворение и найдёшь название города.

Рисунки Т. Капустиной-Хонен

А. Шабеев

Вот мой портрет.
А вот я сам.
Портрет совсем
живой:
я сам
и я, который там,—
начаем головой;
я показал себе (ему)
язык,
и в тот же миг
я (то есть он)
мне самому
свой показал язык.
огадое

Бьется
с пламенем
змея:
изо рта —
воды струя!
вонюк и чадящий

4

Рисунки О. Зуева

День за днем идет кино
на экране этом.
Солнца, зелени полно
на экране летом.
А зимой — синее льд,
снег летит, играя.
Фильм идёт, идёт, идёт
без конца и края...

оню

Шевельнул бородной
гном —
и вошел хозяин в дом!
оню

5

ШУТКА
А. Шибеев

— Когда-то я был с ним на короткой ноге.
Но однажды он (с левой ноги встал, что ли?)
полез ко мне драться. Я — со всех ног домой!
Еле ноги унес!.. Зато теперь к нему ни ногой.
Ноги моей больше у него не будет!

2

ТОП-ТОП-ТОП

А. Миал

Шли по дороге Шли по дороге
Веселые ноги: Усталые ноги:
Топ! Топ! Топ! Топ. Топ. Топ.

Веселые ноги — Анни,
Усталые ноги —
Няни.
Топ, топ, топ.

7

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

А. Шибеев

Сыпослошился ночью двор,
Слышен громкий разговор,
— Это что ТаКО-КО-КО-е? —
Никакого поКО-КО-я!
— ЗаГ-А-Г-а-д-а.
— Не пойМУ-у,
Что за МУ-У-зыка?
К чеМУ-у?
— Кто там БЕ-Е-сится?
— Не сме-Е-йте!
— ПрекРРРатите ГАМ! ГАМ! ГАМ!
... Но не спится, хоть убейте,
Двум котам-озорникам.

Рисунок Т. Васильевой

6

* * *

— Да, ведет он себя из рук вон плохо.
Надо бы взять его в руки. И дать ему по ру-
кам. Чтобы знал — руками воли не давай! И
тогда — даю руку на отсечение — он сразу
перестанет распускать руки!

* * *

— Спору нет — горячая голова! Но уж если
мы с ним сошлись на свою голову, то теперь
отвечаем за его поведение головой. Я еще
не знаю, что мы должны сделать в первую
голову (у меня голова идет кругом), но думаю,
что голову вешать не стоит. Ручаюсь головой,
что все вместе мы всегда сумеем намылить
ему голову!

Рисунки Н. Шерешевской

3

ИДЕТ ТУРНИР!

Итак, последний — седьмой тур оборотного этапа.

Задание шахматистам — два этюда.

А. Белые: Кра1, Лб6, п. h6; черные: Крс1, Лд2. Выигрыш.

Б. Белые: Крh4, Ла3; черные: Крb2, Сс5, пп. g5, h5. Ничья.

Задание шашкистам — две концовки Сергея Ковалева (Южно-Сахалинск), в которых нужно найти пути к победе.

А. Белые: а5, с3, с5, е5, g5, h6; черные: а7, с5, с7, е7, f8, h8.

Б. Белые: b4, с3, с5, d2, е1, с3, f2, g1, g3; черные а7, с7, d6, е5, е7, g5, g7, h4, h6.

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Отбор лучших закончен! Впереди — сражения в финале, впереди — спортивные разряды, дипломы, призы... Каждый доблестный рыцарь, претендующий на то, чтобы быть допущенным в финал (для чего надо иметь 40 очков), должен через три дня после отправки рапорта № 7 послать (не в письме, а на открытке) свой «Листок учета». В нем нужно проставить очки за туры 1—5 по данным из Бюро самопроверки и за туры 6,7 по собственным предположениям, а также указать класс и спортивный разряд.

Всем допущенным шахмат-адмирал Ферзьбери вышлет новый пароль, без которого рапорты по финалу рассматриваться не будут.

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

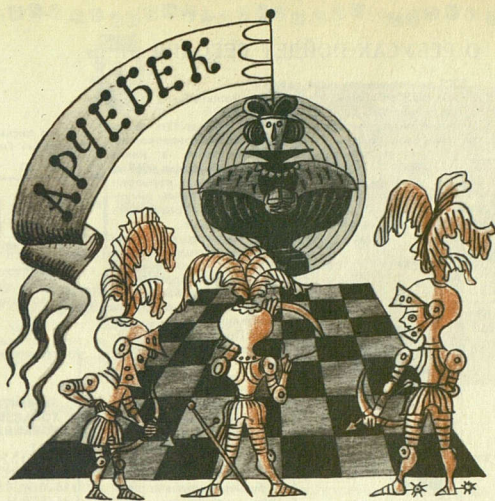
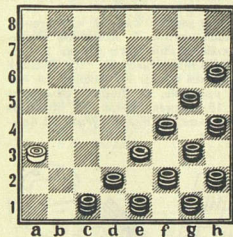
Пройграв пять партий, Топтыгин сгрел шашки.

— Хватит, Косой! Сегодня я не в настроении. Вот вчера был в настроении — всех обыграл!

— А-а-а... Знаю, знаю...

— Ничего не знаешь. Лучше смотри, как было.

— Вижу, вижу... Твои, понятно, черные?

— Не угадал: черными Волк играл. Тут его ход был, и он сдался. Здорово? Хоть соображаешь почему? Как-нибудь! А что за Волк с тобой играл?

— А такой... серый... и с хвостом...

— Тогда ясно! Ты, Топтыгин, всегда — как выигрываешь, так неизвестно у кого.

— Не веришь? Мне? Я ведь, Косой, и пришибить могу!

— Верю, верю... Но если здесь Волка был ход, то как ты перед этим пошел? Покажи!

— Я? А я вот так... Да, вот так: b2—a3.

— Ах, b2—a3? Но как же тогда перед тем Волк ходил? Почему он не побил дамку с1 твою шашку?

Медведь пыхтел-пыхтел, а показать этого не смог...

Такое положение (автор В. Кузнецов, Пермь) и впрямь выглядит невозможным. Но все же получится: оно могло (конечно, при плохих ходах). Переставь шашку a3 на a1, шашку g5 на f8, а на g7 добавь белую дамку. И представьте, будто противники играли так — 1... h6—g5 2. a1—b2 f8:h6 3. b2—a3. Вот и все!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Идет турнир! Шахматы — А.

1. Крh6! a6 (1... b6 2. Фа3+, или 1... Кра6 2. b4) 2. Кр:h7. Б. Выигрыш есть! 1. Лel+ Лb1 2. Лc1! Шашки — А. 1. dс5! 2. е5 3. d6X. Б. 1. f4! е3 2. g5! h4 3. b4X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Са7+! Кто? Кто? Кто? № 1. 1. Фg1! № 2. 1. Сс1! h6 2. Лd2!

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Сегодня ты должен продемонстрировать свое искусство в атаке. Расставь фигуры — белые: Крг1, Фg5, Лf1, пп. f2, f5, g2, h2; черные: Крг8, Фе8, Лf8, Сс6, пп. f7, g7, h7. У черных лишний слон, но зато другие их силы стоят очень пассивно и не успевают оказать помощь своему королю, которому белые объявляют мат в три хода. Покажи-ка этот мат!

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты (на открытках!) до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

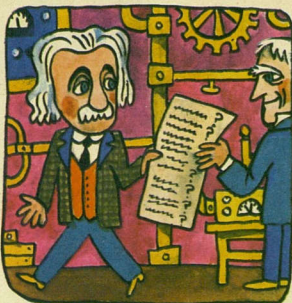
за семью
печатами

Рисунки М. Беломлиного

— Теорема верна! Клянусь честью!

— Ах, мэтр, — галантно ответил граф, — почему же вы не сказали так с самого начала? Ведь я никогда бы себе не позволил сомневаться в честном слове столь уважаемого человека. Значит, и доказывать эту трудную теорему незнач.

ДОСТАТОЧНО КЛЯТВЫ...

Известный французский математик Коши долго, но безуспешно объяснял молодому весма благовоспитанному графу сечение конуса. Юноша смущенно повторял каждый раз:

— Не понял, мэтр. Опять не понял...

Доведенный до отчаяния, Коши воскликнул:

НЕ ДОЖИДАЯСЬ ОТКАЗА

— Никак не могу найти себе помощника, — пожаловался однажды Эдисон Эйнштейну. — Каждый день заходят молодые люди, но ни один не подходит.

— А как же вы определяете их пригодность? — поинтересовался Эйнштейн.

Эдисон показал ему листок с вопросами.

— Кто на них ответит, тот и станет моим помощником.

«Сколько миль от Нью-Йорка до Чикаго?» — прочел Эйнштейн и ответил: «Нужно взглянуть в железнодорожный справочник». — «Из чего делают нержавеющую сталь?» — «Об этом можно узнать в справочнике по металловедению...» Пробежав глазами остальные вопросы, Эйнштейн сказал:

— Не дожидаясь отказа, свою кандидатуру снимаю сам.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи наших читателей
рисунок Т. Соловьевой

Кириши

фото Дм. Варушина
текст Г. Георге

Володины братья

повесть Ю. Корича
рисунки С. Острова

Зеленая ракета

письмо другу-тимуруцу
Знакомьтесь — «Ленинградец»
литализм В. Верховского
оформление А. Януса

Как создали каучук

рассказ в картинках
В. Воскобойникова
и Н. Андреева

Барабан

журнал юнкоров
оформление
Г. Ковенчука

Рыба

рассказ Р. Погодина
рисунки Н. Лямина

Экспедиция «Вокруг света»

игра

О человеке, который

закрашивал белые пятна
очерк Я. Дауголенского
рисунки В. Толкова

Машино лето

рассказ П. Васильева
рисунки В. Куприянова

Удержите падающую башню
оформление Ю. Клыкова

Спорт наизнанку

заметки Ю. Михайлова
рисунки Н. Муратова

Зеленые страницы

ведет Н. Сладков

Сосед Боровков, Гошка и Пират

рассказ Н. Максименко
рисунок А. Аземши

Морская газета

Отвечает В. Костровникова
фото Ю. Колтуна

Уголёк

журнал для малышей

Арчебек

шахматы, шашки

На обложке рисунок

И. Казаковой

Главный редактор С. В. Сахаров

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская (отв. секретарь), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлиный

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28191. Сдано в набор 31/V 1974 г. Подписано к печати 30/V 1974 г. Формат 60×90/16. Печ. л. 8+оба. 8.8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз. Заказ 2558. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

надо успеть!

Слова А. Лосева

Музыка В. Плешака

На руке часы сказали: тик-так!
И на стенке в школьном зале: тик-так!
А на башне на вокзале: БИМ-БОМ!
Не удержишь их никак!
«Задержишься хоть на пару минут!» —
но часы меня не слышат — идут,
но часы не отдыхают, не ждут,
тик-тик-так, тик-так, тик-так — все идет!

Припев:

А мне надо успеть,
надо всюду мне успеть,
в сорок тысяч разных мест
мне надо в срок успеть!
Нужно в срок успеть
телевизор посмотреть,
почитать и помечтать и даже песню спеть!

Я себе большой будильник завел.
Я его на семь пятнадцать завел.
И будильник разговор свой завел:
тик-тик-так, тик-так, тик-так...
И залихватый звонок мне помог:
на зарядку утром поднял звонок,
на футбол пришел впервые я в срок.
Без часов нельзя никак! Тик-тик-так!

Припев.

Рисунок
Т. Капустиной-Хонен